

Геннадий Ингринов

Прививка болю

Геннадий Ингринов

Прививка болью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69838294

SelfPub; 2023

Аннотация

Чудовищные теракты в Европе. Две семьи из России оказываются внутри хаоса и межэтнических конфликтов. Эта книга, хоть и написана в форме художественного произведения, создана не для развлечения читателя. В ней я попытался смоделировать ситуацию в формате: «А что будет если.....?». Например, в какой момент у людей может лопнуть терпение? Что произойдет после этого? Чем это может кончиться в итоге? Многие ситуации и люди в книге не придуманы, а взяты из реальной жизни (изменены только имена и названия). Я настаиваю, что всё будет происходить именно так, как описано в книге и, более того, очень надеюсь, что такого никогда не случится в реальном мире. Но, я надеюсь, что мои читатели также задумаются над вопросом: «А что будет если....?».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	67
Глава 12	74
Глава 13	85
Глава 14	92
Глава 15	104
Глава 16	114
Глава 17	119
Глава 18	123
Глава 19	127

Геннадий Ингринов

Прививка болю

Глава 1

– Они уже выходят! – Дмитрий выдернул шнур зарядки из айфона и посмотрел внимательно на Олю.

– Да готова я. Сейчас рубашку доглажу. Алиске вон кроссовки пока надень.

Оля с удвоенной скоростью стала водить утюгом.

Ссориться в отпуске не хотелось. Дмитрий огляделся. Гостиничный номер был совсем небольшой. А балкон был, похоже, вообще одноместный. Кованые перила огораживали площадку примерно в один квадратный метр.

«Ну что-ж, подышим воздухом Парижа». – решил Дмитрий.

Конец сентября выдался в столице Франции замечательным. Не холодно, не жарко. Ветра нет. Днем солнышко. Сказка.

Узкая улица под окном гостиницы была не очень оживленной. Ходили люди, жужжали мопеды, проезжали машины. Но всё как-то без особого шума и пыли. После Москвы любая европейская столица кажется немногочисленной. Пахло свежим хлебом из пекарни на первом этаже. Белоснеж-

ные облачка на высоком светло-голубом небе радовали глаз. Хоть садись и рисуй. Такое особое настроение появляется в путешествии. Нравится абсолютно все. Разметка на асфальте, бордовый плащ на прохожем, вывеска на кафе. И внутри ощущение праздника.

– Всё, я готова. – Ольга стояла посреди номера в свежесглаженной светлой рубашке в тонкую вертикальную голубую полоску и темно-синих брюках. «Симпатичная она у меня все-таки. Молодец. – похвалил Дмитрий Ольгу про себя. Но вслух сказал другое.

– Куртку возьми и пойдем уже, а то перед ребятами неудобно. Четырехлетний ребенок быстрее тебя собрался».

– Да, мама. Я уже давно оделась. Я правда молодец?

Дмитрий взял ключ с тумбочки, пропустил вперед Ольгу и вышел в коридор. На первом этаже в небольших креслах их поджидали друзья. Керим и Света.

– Ну сколько вас можно ждать? Там сейчас все круассаны без нас съедят. – В шутку возмутился Керим. Я тут нагуглил кафе с самыми лучшими круассанами в Париже.

Ребята любили путешествовать вместе. Дима с Керимом вообще с первого класса были не разлей вода. Вместе в футбольную секцию ходили, вместе на велосипедах катались. Потом карьеру делать друг другу помогали. Один устроится куда-то и ищет варианты второго подтащить как-то. Несколько раз такое бывало. Потом у каждого свой бизнес образовался. Вот совместный бизнес делать как-то не реши-

лись. Побоялись отношения испортить. Раньше и дачу вместе снимали, и в отпуск в жаркие страны вместе ездили. Но после переезда Димы с Олей в Словению виделись уже не так часто.

Керим родился и вырос в Москве. Его отец-инженер переехал в Москву из Махачкалы в семидесятых годах. Женится на москвичке и остался жить в Бескудниково. Димины предки в Москве осели еще до Второй Мировой.

Примерно лет в 10 Дима узнал, что отец у него, оказывается, еврей и сам он, получается, тоже наполовину еврей. А его лучший друг Керим оказывается дагестанец и мусульманин. Что из этого следовало было непонятно, но ощущалось это как, что что-то типа, небольшого изъяна или дефекта. Жить не мешало, но иногда могло прилететь одному что-то про еврейскую морду, а второму про черножопость. Не сказать, что проблема была большая, но как один из аргументов в конфликте это могло быть использовано в любой момент каким-нибудь Андрюхой или Коляном, чья кристально чистая родословная уходила корнями к крепостным конюхам и землепашцам какой-нибудь условной Рязанской губернии.

Между собой у ребят никогда не было даже намека на какой-то национальный конфликт. Да и не было между ними такой разницы, которую можно было отнести к проявлению национального колорита. Вопреки стереотипам про хитрых евреев и злобных кавказцах, Дима был поагрессивней, поконфликтней. А Керим похитрей и порасчетливей. Хотя под-

колоть друг друга по национальному вопросу возможность, конечно, не упускали.

Вот и сейчас. На другой стороне улицы африканец разложил на асфальте сумки. На простынке разместились шедевры дизайнерской мысли от Гучи, Прадо, Луи Вуитона.

– Смотри, единоведец твой бизнес какой шикарный делает, – хохотнул Дима – Иди сторгуйся по-братски.

– А чего это он мой единоведец? – парировал Керим – Может он из Эфиопии? Сам рассказывал мне про черных евреев.

– Давайте уже чего-нибудь съедим, – Света показала рукой в сторону плетенных столиков под зеленым навесом, – Вон отличное место.

Света внимательно следила за своей фигурой. Красиво одевалась. Много времени уделяла своей прическе, ногтям и макияжу. Была ухоженная, как говорят в таких случаях. Но сейчас уже вырисовывался круглый животик под стильной черной водолазкой. На правах девушки «в положении» она теперь имела решающее право голоса и пользовалась этим. Кто будет спорить с беременной женщиной? Хочет под зеленый навес, значит идем под зеленый навес. Собственно, и эта поездка была спланирована Керимом под лозунгом: «Надо сейчас куда-то съездить, а то потом с ребенком неизвестно когда выберемся».

Под кофеек и круассаны пошло обсуждение куда, собственно, идти. Дима с Керимом открыли в своих телефонах

карты. Ольга показывала Алисе картинки в путеводителе. А Света просто смотрела куда-то вдоль улицы.

С одной стороны было столько всего интересного, что хотелось увидеть, а с другой стороны и просто сидеть было тоже хорошо. Неделя отпуска только началась. Куда спешить? Зачем бежать? Хотелось остановить этот момент. Сделать так, чтобы он не кончался. Какой-то мужичок с надменным лицом и синеватым носом закурил за соседним столиком откинувшись на спинку стула. Весь его вид показывал превосходство коренного парижанина над жалкими туристами.

– В общем решаем так. Идем чуть левей вон по той улице и упираемся в Лувр. В сам Лувр мы сегодня не пойдем. Сворачиваем направо и идем через парк в сторону площади Согласия и Елисейских полей. Там потом решим. Или к Триумфальной арке пойдем прямо, или к Эйфелевой башне налево. Возражения есть? Возражений нет. – Дмитрий энергично поднялся со стула, – Летс, как говорится, гоу. Метров 600 до Лувра всего идти-то.

Дошли действительно быстро. Лувр снаружи прекрасен. Дмитрий уже в четвертый раз приехал в Париж. И в четвертый раз дух захватило от восторга. Есть в этом месте какая-то магия. Может это детские мечты и фантазии так прорываются? Д'Артаньян, дуэли и хруст французской булки? Но, определенно, Париж вообще и Лувр в частности, являются несомненной точкой силы.

Керим выглядел невозмутимым и, по обыкновению, со-

средоточенным. Девчонки притихли придавленные величием места.

Толпы туристов двигались во всех направлениях. Сидели на лавочках, бордюрах, и бетонных кубках. Фоткали все вокруг во всех направлениях. Китайцы плотной группой шли за экскурсоводом с зонтиком. Солидный пузатый-бородатый папа-араб вел свое многочисленное семейство, закутанное с ног до головы в длинные темные одежды. Дети дурачились. Мелькнула индийская сари. Двухэтажные яркие автобусы без крыши урчали в потоке машин. Обязательный атрибут последнего времени – чернокожие ребята, продающие какую-то мелочевку в местах скопления туристов.

Тысячи совершенно разных людей из совершенно разных стран пришли сюда. Удивительное место.

Сделали дежурные обязательные фотки. На фоне арки. На фоне пирамиды. Так чтобы был виден весь фасад. Только девчонки. Папа, мама, дочь. Какого-то немца попросили сфоткать всех вместе. Двинулись дальше. Елисейские поля зовут и манят. Дальше через парк в сторону площади Согласия.

Сколько времени человек может испытывать непрерывно восторг? Дмитрий находился в этом состоянии со вчерашнего вечера. Машина припаркована. Отель найден. Ребенок спать уложен. Можно выдохнуть. 1300 км от словенского побережья до Парижа промчались на одном дыхании за 2 дня. Керим с Аленой долетели из Москвы за 3 часа. Но на маши-

не все равно интересней.

Под шуточки, фоточки и восторги дошли до площади Согласия.

– Таганская-то площадь в Москве понагруженной будет, – оценил Керим траффик на площади взглядом московского водителя.

– Пойдем Алиске руки вымоем в фонтане. А то она вся в мороженном измазалась. – внесла предложение Ольга.

– Тут где-то головы королям рубили. Может в этом фонтане потом нож мыли? – попытался нагнать жути Дмитрий.

– Хватит ребенка пугать. Не слушай его, доченька. Пойдем ручки мыть.

– Идем все вместе. Нам все равно через площадь дальше идти. Нас ждут Елисейские поля. – Дмитрий махнул рукой жестом комбата, поднимающего свой батальон в атаку.

И тут за спиной ухнуло.

Глава 2

Взрыв был настолько мощный, что показалось будто какая-то сила попыталась придавить к земле всех вокруг.

– Что за нахрен? – первым пришел в себя Дмитрий.

С другой стороны парка, в том его конце, который выходит на Лувр, поднималось черное облако. Припаркованные машины завывали сигнализациями. Все вокруг замерло. Прохожие стояли неподвижно. Все смотрели на черное облако. Алиса заплакала: «Что это, мама? Что это?».

– Стойте здесь. Вон на лавочку сядьте. Керим, пошли, посмотрим, чего за фигня там взорвалась так феерично. Может в кафе баллон газовый какой или что-то в этом роде? – Дмитрий пытался говорить шутливо, но как-то и сам не особо верил в баллон или какую-то другую бытовую историю. Он был подписан на военный телеграм-канал, который публиковал разное видео из горячих точек планеты. Там такие взрывы были при подрыве БТР на фугасе или при попадании снаряда в дом. Но тут-то какие снаряды и БТРы могли быть?

– Может не надо туда ходить? Вдруг там еще чего взорвется? – попыталась отговорить ребят Света.

– Да мы близко не будем подходить. Издалека посмотрим и все. – В глазах Керима мелькнул озорной огонек. Похоже, он думал, что там действительно что-то взорвалось несерьезное. Какой мальчишка отказался бы пойти посмотреть, что

там взорвалось? Интересно-же. И пусть мальчишка уже совсем и не мальчишка, а практически дядечка с пузиком, который собирается стать отцом, но не пойти было невозможно.

– Давай как-то ближе к деревьям держаться. А то правда хрен его знает чего там – Дмитрий вспомнил свой опыт игры в страйкбол.

Ребята мелкой рысцой потрусили вглубь парка. Девчонки присели на лавочку.

– Мама, я тоже хочу посмотреть, – Алиска перестала плакать. – пойдём туда.

Вместе с ребятами в направлении взрыва бежали еще несколько человек. На дороге послышалось завывание сирен. Пробежав метров 150 ребята, встретили человека в грязной одежде. Как будто он извалялся в пыли только что. Человек шел навстречу бегущим ребятам.

– What happened? – остановился Дмитрий.

Человек не ответил и даже не остановился, продолжая брести глядя вперед. Кто-то пробежал по диагонали мимо.

Пробежав еще немного, ребята услышали крики впереди. На поляне уже было довольно многолюдно. Кто-то сидел на лавочке прижимая к груди руку в окровавленном рукаве. Дальше видно было какое-то брожение. Несколько человек сидело и лежало на земле. Около некоторых бестолково суетились люди, пытаясь чем-то помочь. Кто-то пронес на руках ребенка лет трех. Кажется мальчика. Вокруг тела

женщины в зеленом плаще расплывалась красная лужа. На лавочку укладывали тучного лысоватого мужчину. У него кровь сочилась отовсюду сразу. Множество порезов покрывало его лоб, щеку, плечо, грудь. Вдруг он пришел в себя и попытался встать. «Моника! Моника! Моника!». Встать он не мог. Его нога ниже колена изгибалась внутри порванных штанов в том месте, где гнуться нога не должна. Мужик кричал страшным голосом и пытался оттолкнуть тех, кто укладывал его на лавку.

Дальше напротив входа в парк в черном кругу горели черным дымом обломки автомобиля. У деревьев вокруг кое-где выломало ветки. Листва почернела. Вонь стояла страшная. Вокруг валялись разбросанные зонты, сумки, один ботинок, бейсболка, чья-то кожаная куртка, какое-то тряпье.

Ребята замерли, не веря своим глазам.

– Пипец! Пойдем отсюда нахрен. – Дмитрий потянул Керима за рукав.

Керим стоял на месте. Зрелище завораживало своей нереальностью. Одно дело смотреть на теракт по телевизору в новостях и другое дело стоять посреди разбросанных взрывом людей. Глаза отказывались верить, что вот тот кулек был 5 минут назад чей-то рукой. Мозг остановил свою работу. Этого не может быть потому, что не может быть никогда.

– Чего примерз? Идем говорю. – Дмитрий потянул Керима сильнее. Керим качнулся и сделал несколько шагов за Дмитрием продолжая смотреть в одну точку. Там на кустах повис-

ла толстая женщина в черном балахоне и в черном платке. Рядом на траве лицом вниз лежала девочка лет 12 в таком-же балахоне и платке, но сиреневого цвета. Балахон был прожжен во многих местах. Большие и маленькие черные дыры с обгорелыми краями дымились. Через дыры проглядывало обугленное мясо.

Дмитрий тащил за собой Керима. Керим не издавал ни звука. Просто переставлял ноги.

– Вы-то куда приперлись? – заорал Дмитрий, увидев, что Ольга со Светой пришли-таки в парк и пытаются как-то помочь тетке лет пятидесяти пяти на лавочке. У тетки была посечена левая часть лица, плечо и грудь. Кофточка была порвана от ворота до подмышки и ниже. Белая блузка под кофтой тоже была разорвана в нескольких местах. Чуть выше ключицы кожа была вспорота горизонтальным разрезом сантиметров в десять. Кожа и мясо немного вывернулись наружу. Серые волосы спутались в кровавые и грязные патлы. Тетка сидела, сосредоточенно пытаясь оттереть кровь со своих рук, не обращая, казалось, внимания на то, что кровь продолжает вытекать из множества порезов.

– Что ей твой платочек? Чего ты там вытираешь ей? Нахрена Алиске все это видеть? Пойдем отсюда к чертовой матери.

Дмитрий с силой дернул Ольгу за руку и подхватил Алиску на руки. Керим молча взял Свету за руку.

– Бросай свой платок. Вон скорые уже едут. Сейчас ей тут

без тебя помогут.

В парк со стороны Площади Согласия уже въезжала желтая машина скорой помощи. За ней заруливал бежевый Пежо. Бежали какие-то люди.

Ребята двинулись навстречу потоку людей к выходу из парка.

Глава 3

Номер у Керима со Светой был чуть побольше, поэтому собрались в нем.

По дороге купили вина, сыра, нарезку колбасы, ветчины, оливок и прочих вкусняшек (магазины, слава Богу, работали в обычном режиме). Разложили все это на журнальном столике. Дима с Ольгой расположились в креслах. Керим сел на кровать около изножья. Света легла на кровать на бок поверх покрывала, облокотившись на локоть. Алиска на коврике варила кукле кашу из пластиковых овощей. На стене работал телевизор с выключенным звуком. Показывали, конечно, место взрыва. Взволнованный репортер что-то рассказывал на фоне черных обломков небольшого грузовичка. Поочередно прямое включение с места событий сменялось картинкой из студии, серией интервью с очевидцами, задумчивыми комментариями солидного дяди в дорогих очках, видимо, какого-то эксперта.

На несколько минут появились кадры с бородатыми восточными мужчинами в черных одеждах и автоматами Калашникова в руках. Видимо какая-то террористическая организация взяла на себя ответственность. Этому никто не удивился. Как-то уже стало привычным, что за любым терактом в Европе всегда стоят какие-то исламские террористы.

Читая о том, как грузовик въехал в толпу на набережной

Нищцы, на рождественском базаре в Берлине, на пешеходной части Ла-Рамблы в Барселоне в груди всегда образовывался ледяной комок. Как так? Мы-же были там совсем недавно. И могли теоретически быть там в момент теракта. Перед глазами вставляли образы беззаботных туристов, уличных музыкантов, расслабленных местных жителей, которые с детьми вышли прогуляться по прекрасному городу. За что их убили? Что они не так сделали? Многие искренне верят (и среди погибших наверняка были такие), что все люди одинаковые, что надо помогать тем, кто приезжает из неблагополучных стран.

И вот такой-же, по их мнению, человек, который несчастен в своей стране и которому надо обязательно помочь, размазывает грузовиком по асфальту случайных прохожих. Как люди с этим живут? Чем они это оправдывают? Для Дмитрия это было за гранью понимания.

– Вот скажи мне. Почему как что-то где-то взрывается, так обязательно исламисты, Кавказ и Ближний Восток? – Дмитрий посмотрел на Керима без вызова. В этом вопросе не было агрессии или попытки подколоть, – Почему какие-нибудь вологодские парни не взрывают автобусы, а кавказцы взрывают?

– Я думаю дело не в национальности или религии, – Керим снял очки и начал их сосредоточено протирать. – Дело в бедности. Вот представь, вырос парень в какой-нибудь горной деревне. Что ему делать? Кур пасти? Работягой куда-ни-

будь наняться, кирпичи таскать пока пупок не развяжется? Богатеи ни в какие террористы не идут. Много ты слышал о террористах из Эмиратов, например?

– Пусть в город едет. В институт поступает.

– А как в институт поступить, если в его селе не школа, а одно название? Читать-писать худо-бедно научили и всё. Да еще и блат нужен, чтоб в институт поступать. Откуда этот блат взять в горном ауле? Вот и стоит перед парнем выбор: либо всю жизнь чернорабочим впроголодь, либо как настоящий мужчина с оружием в руках отстаивать что-то. С оружием и уважение, и почет. И неважно что именно ты отстаиваешь и с кем конкретно борешься. Ты уже не голодранец какой-то, а воин. А с кем воевать всегда найдется. С другим племенем, с иноверцами, колонизаторами и прочими неверными. С теми, из-за кого в твоей деревне все плохо. Но это все теория. Наши дагестанцы тоже не особо в террористы идут. – Керим встал и прошелся по комнате, – Вот ты за МКАДом с людьми разговаривал когда-нибудь? Они-ж поголовно уверены, что все их проблемы из-за проклятых москвичей. Прямо вот лично мы с тобой из их вологодской области все деньги высосали.

– Вот-вот, но эти вологодские ребята не едут в Москву автобусы взрывать, – оживился Дмитрий. – Сидят себе тихонько и москвичей ненавидят.

– Не знаю, что тебе на это сказать, – вздохнул Керим. – Может чувствуют, что Москва все равно часть их страны.

Что каждый из них может в любой момент сорваться и в Москву приехать. И не будет в Москве ничем выделяться. Где-то как-то пристроится. Со временем обживется и станет обычным москвичом. Внешне не выделяется. По-русски говорит не хуже других. Ассимилируется как-то. А кавказец, который в горном ауле вырос, так и будет в Москве всю жизнь как дефективный какой-то. «Лицо кавказской национальности» при любом раскладе.

– Но твой отец-то как-то прижился. – не унимался Дмитрий.

– Так он и не с гор спустился. У нас дед-профессор в институте преподавал. Семья в центре Махачкалы жила. Да и в Москве он уже сколько? Лет 45, если не больше. И страна была другая. – Керим заговорил отрывисто. – А ты вообще представляешь, что такое прижился? В автобусе на ногу кому-нибудь наступишь – смотри под ноги, понаехали тут. На перекрестке кого-то не пропустил – куда прешь, чурка черножопая. Всю жизнь фигня такая. На работу устраиваться, квартиру снимать – всегда пишут: «Ищем людей славянской национальности». Как будто ты не знаешь этого? Сам квартиру свою только славянам сдаешь.

– Так это не из-за того, что я нацист такой. Проблем так-то со славянами реально меньше. Хотя тоже, конечно, всякое бывает. Я тут где-то читал, что и сами кавказцы с большей радостью славянам квартиры сдают при возможности. Не знаю, насколько это правда. Ты бы сам-то кому сдал бы?

Я тебе больше скажу. Я вообще не верю в деление людей на национальности и расы. Тут какая-то другая история. Давай возьмем такой пример. Родились где-то в условном Сомали 2 брата близнеца. И получилось так, что одного из братьев сразу усыновила приличная семья швейцарцев. Предположим, преподаватели Женевского университета. Вот прошло двенадцать лет. У одного сольфеджио и коллекция бабочек, а второй не знает как туалетная бумага выглядит. Зато знает, как поймать, убить и зажарить бродячую собаку. Предположим, поселились волею случая они через много лет по соседству с тобой и при этом не знают, что они родственники. Как думаешь, кто из них доставит больше проблем? С кем будет приятней иметь дело? Один, вероятней всего, будет обычным швейцарцем, который мусор сортирует и дерьмо за своей собакой собирает. А второй будет работать на стройке, в лучшем случае. А вероятней всего вообще работать не будет. Зато, почти наверняка, будет известно у кого искать украденный велосипед, и кто мусор из окна выбрасывает. И про какие тут гены, национальность и расу можно говорить? Или другой пример. Вот представь идешь ты со Светкой темным переулком, а на встречу три кавказца. Хотя нет, плохой пример. Ты-ж со своими брататься начнешь и лезгинку танцевать, или как оно у вас там принято.

– Ну да. Конечно. Мы-ж сразу в пляс пускаемся, как земляка видим. И в десны целуемся с каждым.

– Не важно. Предположим, обычный москвич в очёчках с

девушкой идет через пустырь темным вечером. Самый обычный. Мама – врач, папа – инженер. Навстречу три кавказца. Молодые да дерзкие. Какая вероятность, что просто мимо пройдут? Ни слова грубого не скажут, ни телефон позвонить не попросят? Не отвечай. Нет тут точного ответа, но все познается в сравнении. Правильно? Тогда предположим, это не три кавказца навстречу шли, а три бельгийца. Или три датчанина. Чувствуешь, насколько градус упал?

– А если трое русских будут идти? – Керим посмотрел в глаза Диме. – Насколько твой градус изменится?

– А тут зависит от места действия. Если дело в центре Москвы происходит, то ничего не будет. А вот если в Бирюлёво или в каком-нибудь загопинске, то расклад может быть всякий. И это, как раз, нам и показывает, что дело не в нации, не в расе, и не в повышенной смуглости. А в социуме, в котором человек вырос и в правилах, по которым он живет. Понятно, что и в Бирюлёво, и в загопинске, и на Кавказе полно приличных, милых и добрых людей. Но и велик процент и всякого быдла обмороженного. Условно говоря, в Дании такого быдла два процента, в загопинске восемь, а в условном Сомали восемьдесят. Отсюда и отношение. Когда навстречу в темном переулке три датчанина идут, вероятность геморроя равна двум процентам, а когда три сомалийца – восьмидесяти.

– То есть вся твоя теория к вероятности геморроя свелась?

– Конечно. Мне разницы нет: белый ты, черный или зеле-

ный в крапинку. Ты веди себя вежливо, агрессию не проявляй и, вообще, жизнь мне не портить всякими закидонами. А я тебе портить не буду. Вот тут всеобщее счастье и наступит. Европа так, к слову сказать, до последнего времени и жила. И самые счастливые люди здесь жили. В отличии от Бирюлёва, зажопинска и Сомали всякого. Нет никаких национальностей. Есть приличные люди и срань дикая. И никакой тут цвет кожи или национальность с религией приплетать не надо. Весь вопрос в каком обществе вырос и по каким законам живешь. Готов жить как в Европе принято – живи. Хочешь жить по каким-то другим законам – дуи туда, где живут по этим законам. Нахрен тебе в нашем обществе страдать? Но и европейцам надо уже как-то формализовать эти самые европейские законы и правила. Прописать, что резать барана на лестничной клетке – моветон. И за нож хвататься от косога взгляда тоже ни комильфо. Ну и карать за нарушения надо строго без ужимок и толерастии всякой. Нарушил – ответь. Вот тогда и на цвет кожи никто смотреть не будет. Какая разница какой цвет, если все ведут себя одинаково прилично? Правильно я говорю?

– Ну, конечно, правильно. Ты чего завелся? – Ольга попыталась притушить разгорячившегося мужа.

– Или вот еще пример, – Диму уже было не остановить. – Про нашу с Керимом школьную жизнь, так сказать. Были у нас два двора соседних. Двадцать вторые дома и двадцать шестые. Между ними метров 150. Абсолютно одинаковые

дворы из абсолютно одинаковых панельных девятиэтажек. Ну вы знаете где наши родители живут. Мы жили в двадцать втором доме. Этот дом заселялся в 1979 году московскими очередниками. Публика была самая разнообразная. В нашем подъезде летчик жил. Поп еще был. Был дедушка таксист. Знаешь, такой из старых московских таксистов в фуражке. Очень вежливый и приятный дядечка. Несколько медиков, учительница, старшая пионервожатая из нашей школы. Заведующая из детского сада была. Еще инженеры какие-то. Это кого я так на вскидку вспомнил. А двадцать шестые дома были населены рабочими из других городов. К олимпиаде завоз массовый был по лимиту, видимо. Так вот дети из нашего двора пошли в школу в первый «А», а из двадцать шестых пошли в первый «Г». Потом, классе в пятом, на базе этого «Г» сформировали класс коррекции «Д». Добавили туда несколько неблагополучных детишек из других классов и поставили классным руководителем физрука, который штангой увлекался. Я так понимаю, что все остальные учителя просто боялись таким классом руководить. Так вот, мало кто из наших решался в то время ходить куда-то через двадцать шестой двор. Я вот таких смельчаков что-то не помню. Да и в школе на переменах старались с «Д» не пересекаться. Чревато это было. Можно было чего-нибудь ценного лишиться, или в какую нездоровую канитель влипнуть. В общем, ушли после девятого класса из этого «Д» все почти в полном составе либо в ПТУ, либо сразу баран-

ку крутить и кирпичи таскать. Потом по тюрьмам расселись и сторчались из тех ребят если не все, то очень существенный процент. Еще какая-то часть в ментовку пошла работать. А из нашего класса две трети поступило после одиннадцатого класса в институты. Кто-то адвокатом стал, кто-то бизнес какой-никакой делает. В крайнем случае бухгалтером или менеджером где-то как-то. Все при деле более-менее. Спустя лет пятнадцать после выпуска, встретил я парня, который жил сначала в нашем доме еще до школы, а потом он с матерью как раз переехал в двадцать шестой дом. Квартиру обменяли, вроде. «Куда, – спрашиваю, – ты, Серега, пропал? Сто лет тебя не видел.». «Сидел, – говорит. – Две ходки. Разбой, тяжкие телесные и там еще, по мелочи. Когда первый раз в изолятор попал, говорит, глазам своим не поверил. Куча знакомых. Рифата помнишь? Андрюху Капитанова? Братьев-близнецов? Все там были. Менты ржали над нами, что мы встречу одноклассников тут устроили.». Я к чему все это? Вот два двора на одной улице и два класса в одной школе. А люди выросли совершенно разные по итогу. И судьбы совершенно разные. Если возвращаться к нашим сомалийцам, то проблема не в том, что это сомалиец по национальности, мусульманин по вере и кожа у него темная. Проблема в том, что он в Сомали вырос. По законам и обычаям, которые приняты в Сомали. А у нас тут другие законы и обычаи. Отсюда и конфликт со всеми вытекающими. И нелюбовь взаимная. Если дети из соседних дворов в разных

мирах жили, стараясь не пересекаться, то что говорить про страны с разных континентов? А ты говоришь, почему квартиры стараются славянам сдавать. Ну иди посдавай сомалийцам, расскажешь потом. Лично я вообще стараюсь не просто славянам сдавать, а конкретно москвичам. Еще и смотрю, чтоб не работяга был какой, а человек, так сказать, интеллектуального труда, хотя б планктон офисный, на худой конец. Вот такой я сноб московский.

Глава 4

В этот момент на весь экран телевизора высветился желтый круг с черными сходящимися треугольниками. Радиация. Что-то протяжно завывало за окном.

– Это еще что за нахрен? У кого пульт? Включите звук. – Дмитрий завертел головой в поисках пульта.

– На кой тебе звук? Или ты французский за сегодня выучил? – Керим взял со стола свой айфон. – Сейчас в русских новостях посмотрю. Может там пишут чего.

На экране телевизора появилась студия. Желтый кружок сдвинулся вправо. Ведущий что-то быстро зачитывал. Внизу экрана светилась надпись по-французски красным шрифтом. Картинка сменилась на трансляцию с места взрыва. Там уже никого не было. На приличном удалении от места взрыва передвигались люди в ярко-желтых скафандрах.

– Радиационное заражение. Предположительно взорвана бомба с радиоактивным наполнением. Грязная бомба – Керим поднял глаза от смартфона.

В комнате повисла тишина. Даже Алиска оторвалась от своих игрушек и смотрела на маму. За окном снова завывала сирена. Ощущение большой беды еще не осмыслилось, но уже пробиралось в сознание каждого. Мозг пытался осознать произошедшее.

Про радиацию все знали как-то в общих чертах. В стар-

ших классах в школе был предмет ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Там что-то изучали про ядерный взрыв. Про ядерную зиму. Про Хиросиму и Нагасаки. Про то, что надо в случае взрыва лечь в канаву, а лучше спрятаться в бомбоубежище. Но тут был явно какой-то другой случай. Ложиться в канаву было уже, очевидно, поздно. Где в Париже искать бомбоубежище ни в одном путеводителе не писалось.

Про чернобыльскую ядерную катастрофу был недавно снят отличный американский сериал. Под впечатлением от сериала Дмитрий прочитал воспоминания ликвидатора и посмотрел документальный фильм про чернобыльскую аварию. На этом, собственно, знания о радиации заканчивались.

– Срочно скидывайте куда-то в угол всю одежду, в которой вы были сегодня у Лувра. Всю, включая трусы и ботинки. – Дмитрий вскочил. – Бегом в душ. Смывайте с себя всю пыль. Радиация с пылью переносится. Голову тщательно мойте. Надевайте все свежее и встречаемся в холе через десять минут. Надо валить отсюда по-быстрому. Оля! Бегом к нам.

Дмитрий подхватил Алису и прямо босиком выскочил из номера стягивая с ребенка на ходу носочки. Ольга через паузу побежала за ним. Керим со Светой смотрели друг на друга широко раскрыв глаза. Через несколько секунд они одновременно вскочили на ноги и начали раздеваться.

– Раздевай Алиску и все бросай на балкон. – Дима распах-

нул балконную дверь расстегивая толстовку. – Снимай все и выбрасывай. Радиоактивная пыль могла осесть на нас.

Пока Ольга стягивала с ребенка кофту через голову, Дима стаскивал штанишки.

– Давай я отнесу ребенка. Раздевайся сама. – Дима подхватил перепуганную Алису и заскочил в ванную. – Надо хорошенько вымыть голову. Не холодная водичка? Давай потрем хорошенько за ушками. Вот так. – Дима поливал дочь из душа.

В ванную зашла Ольга.

– Вымой все хорошенько у нее. Все складочки. Уши, попу, подмышки. И сама тщательно вымойся. – Дима передал душ Ольге, взял полотенце и вышел из ванной. Стянул через голову футболку. Снял джинсы одним движением вместе с трусами и одним носком. Стянул второй носок и подхватив всю одежду бросил ее за балконную дверь. Обернулся полотенцем и зашел в ванную.

– Доставай все свежее из чемодана. Куртку и ботинки, в которых сегодня была не надевай. Есть у тебя какая-то еще обувь? – Дмитрий подал жене полотенце.

– Туфельки есть. Алиске резиновые сапоги могу надеть.

– Давайте бегом. – Дима достал из ванной Алису, накинул ей на голову полотенце и поставил на пол. – вытирайся хорошенько.

Когда Дима вышел из ванной, жена уже была в джинсах. Мокрые растрепанные волосы свисали на лицо. Ольга стояла

на коленях перед дочкой и застегивала ей кофточку.

Открытая дорожная сумка лежала в проходе. Дима натянул свежую футболку, спортивные штаны и накинул сверху ветровку. Другой одежды с собой не было. Кроссовки стояли в коридоре. Дима выудил из-под кровати резиновые шлепанцы: «В них поеду».

Ольга уже одела ребенка и рылась в чемодане в поисках своего свитера. Дима повыдергивал из розеток шнуры зарядников от телефонов и ноутбуков. Сложил в карман дорожной сумки паспорта. Оглянулся вокруг. Вроде ничего не забыли.

– Как я пойду с мокрой головой? – Ольга растерянно смотрела из-под мокрой челки.

– Ну возьми полотенце и вытри хорошенько. Не тяни кота за хвост.

– И куртку тут бросить? Она-ж новая совсем. Только купили ее недавно. И денег стоит прилично.

– Ты знаешь, что такое радиация? Ты раком заболеть хочешь? Или дочь нашу облучить? Не беси меня. Бери ребенка и выходи. – Дима старался не заводиться. – Если все обойдется, потом по почте гостиница нам все барахло пришлет.

Дверь в номер Керима была не заперта. Внутри копошились Керим со Светой.

– Давайте скорей. Ничего не берите в чем сегодня были одеты. Мы внизу вас ждем. Я пока чек-аут сделаю на ресепшене. – крикнул Дмитрий в открытую дверь, и покатил за

собой чемодан по коридору.

Дима оставил на ресепшене свой словенский адрес и телефон. Получил распечатку и двинулся к дверям. Бледная и растерянная француженка лет 45 осталась стоять за стойкой, явно не понимая, что нужно делать. Куда бежать? Кому звонить?

По лестнице спускался Керим в одних носках. За ним семенила Света. Судя по всему, она успела воспользоваться феном и выглядела вполне прилично.

– Это что за босяк с гор спустился? – Дима не упустил случая подколоть друга.

– Да пошел ты. – беззлобно огрызнулся Керим. – На кой мне было тащить несколько пар обуви в этот ваш Париж. Сейчас, может, по дороге где-то в магазин какой-нибудь заедем, купим.

– Так тебя босяка и в магазин приличный не пустят. – не унимался Дима.

– Всё, хорош триндеть. Где машина ваша? – свернул шутки Керим.

– Тут метров 300 до парковки. Вон за теми домами. – Дима показал рукой куда-то влево. – Идем. Смотри на гвоздь не наступи какой-нибудь.

Быстрым шагом дошли до парковки. Закинули чемоданы в багажник. Керим сел спереди на пассажирское сиденье.

– Какой у нас план? Что делать будем? – Дмитрий повернулся на водительском кресле к Ольге и Свете на заднем си-

денье. – Я считаю, надо срочно уносить отсюда ноги как можно быстрее и дальше. У вас билеты только на следующую неделю. Сидеть здесь неделю, это самоубийство. Я не знаю как там с рейсами, но что-то мне кажется, сейчас все ломанутся в аэропорт и хрен кто куда улетит. Еще не факт, что Париж вообще будет самолеты принимать. Поэтому предлагаю валить вам с нами отсюда на машине. Двинем в сторону Словении и, либо по дороге в каком-нибудь Милане вас на самолет посадим, либо уже все вместе до Словении доедем, а там решим что и как. У вас все равно отпуск. Ну так и проведете его у нас на море. Как вам идея?

Керим посмотрел внимательно на Свету. Света неопределенно пожала плечами: «Можно и так. Мне, в общем, все равно».

Дима включил навигатор и нажал кнопку «Домой». Подвигав картинку на экране, убедился, что построенный маршрут не идет мимо Лувра.

– Все пристегнулись? Окна не открывать. Поехали. Нам еще надо одному голодранцу обувь купить.

Дима хлопнул Керима по коленке и хохотнул. Ощущение опасности отпускало. Взрыв, трупы, радиация оставались позади. Это казалось странным и не вполне реальным.

Глава 5

Из города выбрались без приключений. Медленно. По пробкам. Но выбрались. Москвичей пробками не удивить. Движение в городе было плотное. Чувствовалось нездоровое оживление. Постоянно в поток машин вклинивались сирены скорой помощи и полиции. Прошла колонна военных грузовиков и джипов. Кое где на перекрестках дежурили полицейские.

– Вообще, конечно, не помешало бы этим французам контроль радиации на выезде из города устроить. А то-ж разнесут сейчас всю эту заразу на колесах. – Дима вспомнил кадры чернобыльской хроники. Солдаты в костюмах хим. защиты моют колеса грузовиков. Это и в то время казалось какой-то абсурдной фантазией, а уж представить себе такое с видом на Эйфелеву башню, было просто нереально. Но осознание вползло потихоньку в мозг. Это-ж теперь Мона Лиза и Венера Милосская в зоне заражения будут? Как их теперь отмывать? Венера каменная. Ей ничего не будет, наверное. А как картины вообще можно отмыть? А в Лувр теперь, когда вход откроют? Или уже никогда не откроют? Сделают зону отчуждения как в Чернобыле? А как-ты сделаешь зону отчуждения в центре Парижа? Получается, что нет больше Парижа? Или обойдется? А мы все сколько радиации поймали? Слава Богу к самой машине взорванной не подходили. А

девчонки с Алиской вообще, вроде, далеко были. А что такое далеко? 200 метров, это далеко? А куда ветер дул? Света вообще беременная. – на Дмитрия накатила волна страха. За ребенка, за себя, за жену. За то, что этот день может перевернуть вообще всю его жизнь.

Девчонки на заднем сиденье в полголоса обсуждали прошедший день. Периодически переходя от увиденных ужасов к вопросам более приземленным: кто и что вынужден был бросить, сколько все эти вещи стоили, и есть ли вероятность их вернуть потом.

Отъехав километров 200 от Парижа, решили заночевать недалеко от трассы. Через букинг.ком забронировали 2 номера в гостевом домике в каком-то городишке. Чистый воздух, леса, поля. Идиллия.

В комнате телевизор опять показывал Лувр, площадь с черным пятном взрыва. Но людей вокруг уже не было. Машины не ездил. Съемка велась с вертолета с довольно приличного расстояния. Эксперты в студии что-то обсуждали. На экране появился какой-то арабский город. Толпа на площади праздновала. Радостные люди что-то кричали в камеру, махали флагами, танцевали. Было ощущение, что их сборная только что стала чемпионом мира по футболу. Но дело было явно не в футболе. Камера сдвинулась чуть влево и прошла внутрь людского круга. В центре круга молодой мужчина с черной бородой поджигал американский флаг. Когда флаг разгорелся, толпа взорвалась радостными крика-

ми. Дима полистал вкладки в айфоне. В новостях ничего про Америку не было.

На следующий день заехали в ближайший городок. Керим купил себе мокасины.

– А чего не красные? – не упустил шанс поглумиться Дима – А кепки FBI не было, что ли? (В то время, в Москве, среди кавказцев было модно носить красные мокасины и кепку с надписью FBI. В какой-то момент это стало чуть не обязательной униформой у большой группы кавказской молодежи).

Посидели в кафе. Прошлись по старинным улицам. Городок был мил и тих. Люди гуляли, сидели в кафе, прогуливались по центральной улице. Чуть в стороне текла неторопливая река. Солнце приятно пригревало. Пара африканцев пыталась продать какие-то книги. Здоровый чернокожий парень с большой сумкой на плече и книгами в руках подошел к ребятам, но быстро понял, что этим русским туристам ничего не продать. События в Париже казались дурным сном.

После обеда решили стартовать в сторону Милана. Сразу забронировали номера недалеко от озера Комо. В самом Милане бронировать номера не стали чтобы не морочиться с парковкой. По крайней мере, на общем совете так объяснили друг другу это решение. Но у каждого внутри появилась капля страха. Большой город теперь как-то небезопасен. Конечно, маловероятно, что все это может повториться, но лучше

от греха подальше погулять где-то вдали от центра города и скопления людей. Да и озеро Комо прекрасное место само по себе.

Уже в полной темноте доехали до границы Италии. Граница была открыта, но все машины сгоняли в одну полосу. Очередь выстроилась довольно приличная и двигалась со скоростью пешехода. Французские пограничники вглядывались в проезжающие машины. Чуть в стороне стоял небольшой бронетранспортер. Около него покуривали несколько военных в камуфляже и с автоматами.

Итальянцы организовали контроль радиации. Каждую машину останавливали. Подходил солдат в костюме хим. защиты и противогазе. Прибором на длинном кронштейне он проверял все колесные арки у каждого автомобиля. Если все было нормально, то он давал отмашку, и машина въезжала в Италию. В 50 метрах справа от дороги на небольшой асфальтированной площадке стояло несколько автомобилей, которые не смогли пройти эту проверку. Немного в стороне от машин толпились растерянные владельцы. Прямо на траве расстелили покрывало. На нем спали две девочки лет 6-7. Рядом на асфальте, уткнувшись в телефон, сидел подросток. Мать качала на руках совсем малютку.

– Вот нас сейчас завернут и всё, приплыли. – вполголоса пробубнил Дима. – Заберут машину в утилизацию и привет. Будем рядом с теми бедолагами на травке сидеть, судьбу свою ждать.

Но обошлось. В Италию впустили.

Глава 6

Милан, Верона, Венеция остались позади. В них даже не заезжали. Дорога через Триест была уже родной. Еще минут 20 и дом. Ноги, руки, спины затекли у всех. Алиска придумала способ прерывать поездку, когда ей захочется. «Мама пИсать» и Дмитрий начинал искать место для остановки.

На границе Словении выстроилась приличная очередь из машин. Проверки радиации не было. У всех проверяли документы. Отстояв около 40 минут, дотолкались до границы. Дмитрий протянул стопку паспортов пограничнику. Паспорта Ольги, Алисы и Димы с вложенными карточками ПМЖ вернули практически сразу. А вот паспорт Светы и особенно Керима пограничник рассматривал долго. Попросил отъехать на площадку вправо и выйти из машины. Подошел офицер. Видимо начальник. Попросил открыть багажник. В третий раз от корки до корки пролистал паспорт Керима. Долго сравнивал фото в паспорте с оригиналом. Спросил откуда едем. Не отдавая паспорта ушел к себе в будку.

– Чего-то ему лицо твое не нравится, по-моему, – попытался пошутить Дмитрий.

На шутку никто не среагировал.

От нечего делать Дима облокотился на железяку дорожного разделителя и достал смартфон.

– Берлин взорвали. – проговорил Дима через минуту. – Взрыв в центре Берлина. Грязная бомба. Радиационное заражение. – читал Дима заголовки. – Арабский след. Исламисты взяли на себя ответственность. Карнавал в арабских и части африканских стран. – Дима поднял глаза от экрана смартфона. Холодок пробежал между лопаток вверх к затылку. Наверное, так встает загривок у животных в случае опасности.

Из будки выглянул военный и попросил Диму зайти.

– Где вы живете? – спросил офицер, сидя за письменным столом. На столе стоял компьютер и сканнер. Лежали бумаги.

– Изола, Илирска улица 47. – быстро ответил Дима.

– Керим Умаров ваш родственник?

– Нет, это мой друг.

– Как давно вы знакомы?

– С детства. Мы в школе вместе учились. – Диме этот разговор не нравился.

– Где будет жить ваш друг в Словении?

– У нас дома. У нас отдельный дом. – зачем-то добавил Дима.

– Как давно вы живете в Словении?

– Около 7 лет.

– Какой у вас номер телефона? – продолжал допрос офицер. Дима назвал. Офицер записал.

– Откуда вы едете?

– Сейчас мы едем из Милана, до этого были во Франции

в Париже. – ответил Дима, а про себя подумал: «Сейчас настут всех и повяжут».

Офицер посмотрел Диме прямо в глаза.

В общем, офицера понять можно. Какие-то русские. Один из них кавказец. Едут из взорванного Парижа. Еще неизвестно как он лично относится к русским. В последнее время в Словению переехало больше десяти тысяч русских, украинцев, белорусов? Казахов и других граждан бывшего Советского Союза. Для маленькой Словении это было заметное прибавление. Тем более, что расселились они в основной своей массе в столице и на побережье.

– Ваш друг должен в течение трех дней зарегистрироваться в полиции. Всего хорошего.

Офицер протянул паспорта Керима и Светы.

Ребята напряженно ждали у машины.

– Ну чего там? – спросил Керим.

– Говорят, дагестанцев в Словению больше не пускают. – Дима с серьезным лицом остановился напротив Керима. – Говорят, что надо сдать тебя в концлагерь. А то повзрываешь тут всё.

В воздухе повисло молчание. Все пытались понять, шутит Дима или нет. События последних дней были настолько нереальны, что поверить уже можно было в любой абсурд.

– Да ладно. Шучу. Нормально все. Поехали.

– Травишь, да? Смешно тебе? Шутник нашелся. – Керим начал заводиться. – Чего они хотели?

– Чего-то ты им реально не понравился. Может правда мусульман проверяют? Страхуются сами не знают от чего. Если сейчас еще и в Любляне взорвут что-то, вообще аут будет. Тут все дороги через Люблянину идут. Вообще никто никуда не доедет.

– А как они определили, что я мусульманин? Может я буддист?

– Не знаю. Может по имени-фамилии. Может по черновости твоей. А может в документах какая-то пометка о твоих кавказских корнях есть. Кто их знает, чего они в свои базы собирают. Устанут они мусульман здесь проверять. На побережье всяких босанцев, албанцев и прочих косоваров больше, наверное, чем самих словенцев. Ты лучше скажи, чего гугл про Берлин пишет?

– Да все тоже самое, что и в Париже ты видел. Машина в центре взорвалась с какой-то дрянью радиоактивной.

– Пипец. Третья мировая что ли началась? Что за атомные бомбежки европейских столиц? Абсурд какой-то. Где полиция, штази, МИ-6 и прочая лабуда специального назначения? Или они только за моими налогами здесь следить умеют?

Дмитрий со злостью хлопнул дверью машины и завел двигатель.

Глава 7

Керима со Светой разместили в гостиной на раскладном диване. Ольга суетилась по дому убирая разбросанные игрушки, распахивая по шкафам все, что лежало на диване, креслах и прочих не своих местах. Гостей не планировали, и Ольге было неудобно за беспорядок.

Ребята переехали сюда из Москвы около 7 лет назад. Имели свой небольшой онлайн-бизнес. Работали дома. Наслаждались неторопливой провинциально-курортной жизнью. После Москвы казалось, что время здесь остановилось. Люди вокруг были неторопливы и спокойны настолько, что иногда это даже раздражало. Постепенно позабылось что такое пробки, плохие дороги, угрюмые люди в метро и другие московские прелести. Весь город можно было пройти пешком от края до края минут за 30. Весь приморский регион Словении от границы Хорватии до границы Италии на машине обычно можно было проехать за те-же 25-30 минут. И только в летние месяцы туристического сезона в городе появлялись толпы людей, а дорога до границы с Хорватией могла занять и все два часа. Вся Европа ехала к морю. На дорогах можно было встретить любые европейские номера. Особенно много было австрийцев и немцев. Встречались голландцы и даже норвежцы.

По утрам Дмитрий с Ольгой отвозил свою четырехлетнюю

дочь в детский сад и либо заезжали на пляж поплавать, либо сразу возвращались домой к своим ноутбукам работать. Время текло неторопливо и однообразно. Год был похож на любой предыдущий год. Жизнь была наполнена солнцем, морем и общим благодушием. Со временем как-то позабылась суматоха и нервотрепка эмиграции. Подучился язык. Образовался круг друзей и знакомых из числа русскоязычных мигрантов. Пришло понимание как тут все устроено и куда надо идти в той или иной ситуации. Природа радовала круглый год. Почти в любой период времени что-то цвело или созревало. Снег выпадал не каждый год и ребята даже иногда специально ездили на север в сторону Австрии чтобы посмотреть на снег.

Пока девчонки разбирали вещи, мылись и прихорашивались с дороги, ребята съездили в ближайший Лидл за вином, сыром, хамоном и прочими продуктами.

– Ну, за приезд. – поднял Дима бокал с яблочным соком. Дима алкоголь не пил по принципиальным соображениям. Свете было нельзя, а Керим с Ольгой воодушевленно звякнули бокалами с вином.

– Будем надеяться, что больше ничего не взорвется. – Дима пытался говорить подчеркнуто бодро и весело. – А то нам и в отпуск некуда будет съездить.

– А ты прикинь чего сейчас на биржах начнется. – Керим посмотрел на Диму. Керим поигрывал на бирже. В последнее время увлекся историей с крипто-валютами. – Взорвать

радиоактивную бомбу в центре Парижа и Берлина, это не хрен собачий. Ты прикинь чего там сейчас творится. Мы-то удачно вовремя выскочили. Ты прикинь в какой панике народ там разбегается? Сколько там миллионов в каждом городе живет? Сколько уже облучилось? Если там действительно все серьезно, то должны будут зону отчуждения создать. Зона отчуждения сколько будет в диаметре? Километр? Два? Пять? Десять? Кто согласится жить на границе этой зоны? Ветерок подул в твою сторону и волосы выпали. Ты сейчас, Диман, по-моему, не понимаешь всего объема проблемы. Тут не про отпуск разговор, тут разговор про то, что две европейские столицы в радиоактивную пустыню превратились. А если сейчас еще какой-нибудь Лондон или Рим с Амстердамом взорвут? Всё, конец европейской цивилизации? Или что?

– Сами виноваты. Доигрались в свой мультикультурализм. Нафига было столько мигрантов пускать? Люди первый раз унитаз увидели, только когда уже в Европу приехали. Как они их интегрировать собирались? Видите ли, у них на Родине они подвергаются опасности, значит их надо спасти и дать убежище. Так вся Африка и половина Азии, это место, где человек подвергается опасности. Давайте их всех переселим в Европу. Будем как в метро в час пик по улицам ходить. Вот ты-же знаешь, что большие клубы футбольные типа «Барселоны» с «Баварией» никогда не берут игрока напрямую из Африки. Тот должен сначала в каком-нибудь клу-

бе пожиже поиграть, к жизни европейской привыкнуть, показать, что нормально интегрироваться может, а потом уже и в большой клуб можно. Это-ж не от того, что в Барселоне дураки такие сидят и потом миллионы переплачивают европейским клубам. Это чтобы самим не заниматься интеграцией и не разгребать всевозможные гемморой с человеком, который из другой цивилизации приехал.

– Так ты сам мигрант в Словении. Значит и тебя пускать не надо было? Сам говорил, что на каждом шагу теперь русская речь.

– Ты круглое с зеленым не путай. Я сюда приехал с двумя высшими образованиями, деньгами и культурным грузом. Пушкин, Третьяковская галерея, Гагарин и всё такое. Мы все сюда по программе бизнес-эмиграции приехали. Все состоявшиеся люди с деньгами. Думаю, уровень большинства приехавших на два порядка выше уровня среднего местного жителя. Тут каждый второй уникальный специалист по местным меркам. Вот в футбол мы играем с ребятами. Один дата-центры создает, каких в Словении не видели. Другой – мобильными приложениями занимается на уровне, который здесь может и не освоют никогда. Третий – фабрикой руководил на тысячу человек. Это почти Газпром по местным меркам. Четвертый – художник, который и в Америке котируется. Витя, вон, ресторан открыл с молекулярной кухней. Много в Словении ресторанов молекулярной кухни было до него? Я сюда не беру всяких дизайнеров, программистов

стов и прочих бизнесменов. И это только те, с кем я в футболчик-баскетбольчик играю. Если такие-же талантливые перцы будут сюда из Африки или Афганистана ехать, так я двумя руками за.

– Да, от скромности ты не умрешь. – качнул головой Керим. – Давай подумаем дальше чего нам делать.

– А чего делать? Наслаждайся жизнью. На море походим. В Хорватию может съездим. У вас-же мультивиза? На Блед съездим. Еще куда-нибудь ходим. Отпуск-же у вас. Куда вам рваться?

– И то верно. Одобрямс, а, Свет?

Света неопределенно пожала плечами и улыбнулась: «Я на все согласна, если кормить будут.»

– Ну и ладошки. За отпуск! – Дима опять поднял бокал с соком. – Как говорил Жванецкий: «Они у нас отдыхают, а мы тут каждый день». Покажем вам нашу Словению во все красе. Может тоже надумаете сюда перебраться. Сколько можно зад в Москве морозить.

Глава 8

Словения приятна в любое время года. В октябре погода примерно равна московскому августу. Только солнца больше. Холмы и горы, реки и озера, море. Как все это уместилось на площади размером с половину Московской области? Ребята каждый день куда-то ехали. Обошли с разных сторон озеро Блед. На лодочке покатались. К замку на холме в Любляне поднялись. В пещеры Постойны спустились. На Италию с горы посмотрели. А вечерами просто сидели на участке около дома и пили вино.

Оля с Димой жили в небольшом одноэтажном таунхаусе из четырех комнат и кухни. Одна из комнат считалась кабинетом Дмитрия. Дом имел свой крохотный дворик. Во дворе росли розы, виноград, малина и персиковое дерево. Еще там стоял шезлонг и валялись в траве детские игрушки. Низенький, меньше полутора метров в высоту, выкрашенный в белый цвет забор больше похожий на балюстраду, отделял владения ребят от дорожки, которая шла вдоль таких-же одноэтажных таунхаусов построенных рядами вплотную друг к другу.

– Тебе не кажется, – как-то задал вопрос Керим, сидя вечером на веранде и смакуя вино, – что на нас как-то странно смотрят местные? Даже не странно, а как-то неодобрительно. Как будто мы одеты как-то неправильно, или ведем себя

как-то не так. Мы-ж, вроде ничего такого не делаем. Ходим, смотрим. Не орем, не буяним, мусор не кидаем.

Дима опустил глаза. Он опасался этого разговора и не хотел его начинать.

– Ты местную прессу не читаешь? Всякие CNN не смотришь? – скорей утвердительно, нежели вопросительно проговорил Дима.

– А как их смотреть? Они-ж не по-русски что-то там баблабоят. – беззаботно отшутился Керим.

– И на русском всякие политические сайты не читаешь?

– Не-а. Чего там читать? Президент плохой, у очередного губернатора обнаружилась очередная вилла в Испании за 100500 миллионов и скоро все рухнет. Одно и то же последние лет пятнадцать. Надоело. Я в отпуске. Не хочу ни о чем думать. Позиции я короткие свои на биржах пока прикрыл, а длинные на то и длинные, чтоб не дергаться.

– Ну, про то, как на Вестминстерском мосту, чуть не прямо под Биг Беном в Лондоне еще одну машину с бомбой обезвредили ты слышал?

– Видел заголовки. И что?

– А праздники на Ближнем Востоке видел? Всю неделю карнавал у них там.

– Не тяни кота. К чему ты это? – не выдержал Керим.

– А к тому, что всю последнюю неделю во всех новостях только две темы. Первая, это взрывы в Париже и Берлине и все что с этим связано. Трупы, радиация, облучение, высе-

ление. Толпы парижан и берлинцев разбегаются во всех направлениях. Предполагаемый коллапс рынков. Мировой финансовый кризис. То есть реальный конец света и большая жопа на горизонте. И вторая тема, это непрекращающийся праздник и карнавал в арабских странах. Там люди телевизоры на улицу выставляют и танцуют вокруг них. Даже в Европе кое-где празднуют в меру сил. На балконах и во дворах пляшут, орут чего-то, факи показывают. Обратил внимание как вдруг много стало молодежи в платках-арафатках по улицам ходить? И все это нон-стоп уже вторую неделю. Народ местный в шоке. Требуется ответки. Требуется безопасности. Требуется прекратить это унижение. Со всех щелей нацисты и фашисты полезли всех мастей. В комментариях к любой новости вообще полное единодушие. Причем, по-моему, на всех европейских языках. Требуют мочить всех мусульман. Не сегодня, завтра погромы начнутся. Никто уже слово не может сказать в защиту мигрантов, мультикультурализма и европейских ценностей. По-моему, теперь за такие речи уже можно и в бубен конкретно получить. Каждый представляет, что будет, если эта машина с радиационным говном у него под окном взорвется. В Лондоне вон перехватить успели. А сколько еще по Европе таких машин катается? У нас тут еще более-менее спокойно потому, что особо мигрантов нету. А те, что есть, не папуасы какие-то заморские, а свои, родные из бывшей Югославии в основном. И то в фейсбуке уже бурление недетское идет в словенских группах.

– Ничего себе винца попили. – Керим поставил бокал и выпрямился. – Чего делать-то?

– По-моему пора вам сваливать. А может и нам тоже пора. Начнут мигрантов гасить всем мало не покажется. Кто там будет нас сортировать? Хороших мигрантов от плохих, правильных от неправильных отфильтровывать. В России, вроде, пока поспокойней. По телеку, конечно, подхихикивают, что гейропейцы доигрались со своим либерализмом, но, сдаётся мне, что если где-нибудь на Тверской бабахнет такой шахид-мобиль, то и там народ за вилы может взяться. Хотя, конечно, кто его знает. И дома взрывали, и метро взрывали, и Беслан с Норд-Остом были... Не знаю, короче. Но здесь походу реально назревает буча. Сколько лет местным запрещали на тему мигрантов, ислама и тому подобного рот открывать. Думаю, что накипело у них прилично. Я со словенцами мало общаюсь, но даже я слышал, как сквозь зубы они про босанцев с албанцами говорят. Словенцы, конечно, сами довольно белые и пушистые в основном, но молодежи из деревень быдловатой хватает. В общем, давай-ка билеты на самолет посмотрим. Бережённому Бог бережёт.

Дмитрий принес ноутбук. Открыл главную страницу Яндексса. В новостях первой строчкой шло сообщение: «Число мусульман в Европе, пострадавших от нападений, исчисляется уже сотнями». Дима кликнул на новость и провалился на страницу новостного агентства. «Волна нападений на мусульман нарастает с каждым днем. В Монтпелье (Франция)

семья из пяти человек (выходцы из Марокко), включая троих детей от восьми до четырнадцати лет, доставлена в больницу с повреждениями различной степени тяжести. В Дюссельдорфе (Германия) разгромлена точка быстрого питания. Два гражданина Афганистана доставлены в больницу с ножевыми ранениями. Один погиб на месте. Гражданин Алжира был сброшен с моста на автомобильную магистраль в городе Дрезден (Германия).»

Керим не мигая смотрел на экран ноутбука. Дима молча набрал в строке поиска skyscanner.com. Откуда – Любляна (включая аэропорты поблизости), Куда – Москва (включая аэропорты поблизости). Дата – завтра. Рейсы не найдены. Дима посмотрел на Керима. Поменял дату вылета на «После завтра». Рейсы не найдены.

– Приехали. Из Пулы в не сезон не летают. Давай попробуем из Венеции посмотреть.

На ближайшие дни вылетов не было ни из одного аэропорта в радиусе 500 километров.

– Что за нафиг? Куда все делись? – Дима забил в строке поиска «Аэропорты Европы».

Первая-же строчка сообщала: «Коллапс аэропортов Европы. В последние дни было отменено множество авиарейсов. В то же время, множество людей пытаются покинуть территорию Евросоюза и буквально штурмуют аэропорты. Все это привело к коллапсу системы авиасообщения.»

Российские новостные издания перепечатавали новость

о том, что Правительство РФ планирует организовать вывоз застрявших в Евросоюзе граждан России. Для этого планируется направить специальные борты в несколько европейских аэропортов. Для регистрации на вывозные рейсы необходимо зарегистрироваться в консульском отделе при посольстве РФ в стране нахождения.

– Ха, в это консульство и в мирное время было нелегко пробиться. В час по чайной ложке принимали. А сейчас там наверняка ночами надо будет в очереди стоять. – Дмитрий почесал подбородок. – Давай посмотрим через Белград. До Белграда на машине можно будет доехать.

Билеты из Белграда были. Через три дня был рейс со свободными местами.

– Ну что. Поздравляю. Еще три дня безмятежного отдыха и будете со Светкой в своей Москве. – усмехнулся Дмитрий.

Глава 9

– Оля! Ты видела это? – крикнул Дмитрий, не отрывая своего взгляда от экрана монитора, к которому был подключен его макбук.

Оля в это время колдовала на кухне над мультиваркой. Время шло к обеду. Предполагались фаршированные перчики.

– Что видела?

– Террористы захватили атомную станцию под Зальцбургом.

– Да ладно.

До Австрии было около полутора часов езды на машине. Граница проходила там, где начинались Альпы. В Австрию можно было попасть через восьмикилометровый туннель или по горному серпантину через перевал.

Ребята много раз ездили в Зальцбург и его окрестности. Это считалось ближним пригородом Словении, поэтому новость про события в Зальцбурге воспринималась, как происшествие в соседнем районе.

Ольга впиалась глазами в монитор, читая открытые новостные вкладки.

«Группа террористов прорвалась на территорию атомной станции. Захвачены несколько помещений. В заложниках оказались десятки человек. Пока информация о раненых и

убитых не поступала. Точное число заложников пока неизвестно. Какие именно помещения захвачены пока не сообщалось. На месте уже находятся подразделения полиции. Информация постоянно обновляется.»

Дмитрий помнил, что и Норд-Ост, и Беслан начинался с таких-же сообщений. Вроде пока ничего страшного и есть надежда, что это как-то разрулится, но на душе уже нехорошо. А если не разрулится? А если они взорвут атомный реактор? Его вообще можно взорвать? Второй Чернобыль в Зальцбурге? Сколько там погибло в Чернобыле? А сколько поумирало от лучевой болезни? А какие территории оказались заражены? Сокурсник как-то рассказывал, что у него льготы по налогу на автомобиль из-за того, что их регион признали пострадавшим от чернобыльской катастрофы. А курсник-то из Тульской области. Где Чернобыль и где Тула? Это-ж чуть не 1000 км по прямой. От Зальцбурга до Изолы получается почти три раза ближе.

– Трындец. – Ольга перевела на Дмитрия взгляд. – Чего делать-то?

– А что мы можем сделать? Керима с улицы позови, пожалуйста.

Дмитрий уткнулся в монитор. Уже запустились он-лайн трансляции на новостных сайтах. Пока было все непонятно. Что за террористы? Чего хотят? Как на станцию попали? Чего они там наворотить могут?

– Чего там? – Керим попытался скрыть тревогу – Еще

один город вычеркиваем из туристической карты?

– Если там бабахнет, можно будет половину Европы вычеркивать. На, читай.

Дима уступил место Кериму на своем кресле, сам вышел на крыльцо. Холмы впереди были все также зелены и живописны. Воздух прозрачен. Слева на горизонте, сливаясь с облаками, были видны горы

– Что-ж за нахрен такой? Когда-ж все это кончится? – Дима взъерошил себе волосы. – Чего людям спокойно не живется?

Ольга вышла следом за Димой на крыльцо. Обвила сзади руками и прижалась к спине. Она не любила когда Дима злится, но сейчас и сама не на шутку была взволнована. Света на них смотрела сидя на шезлонге. Рядом лежала книга на маленьком столике.

– Предлагаю обсудить эту фигню всем вместе. Керим! Давай, присоединяйся. – Крикнул Дима в открытую дверь.

Керим вышел во двор и сел на шезлонг в ногах у Светы. Ольга присела на ступеньку крыльца. Дима сбегал в комнату за ноутбуком и сел у стола.

– У вас билет из Белграда на послезавтра. – начал Дима. – Можно было бы прямо сейчас рвануть в сторону Сербии. Там, где-то потусить и потом вас отправить, а если билеты будут, то и с вами улететь. Сейчас гляну, что там с билетами.

Дима склонился, но через минуту поднял голову. Удивленно посмотрев вокруг.

– В связи с террористической ситуацией, Евросоюз принял решение о временном закрытии своих внешних границ. С двенадцати часов сегодняшнего запрещены все перемещения через сухопутную или морскую границы Евросоюза. – зачитал он новость с экрана ноутбука. – Сербия не в Евросоюзе. Похоже, вы, ребята, никуда не летите.

Керим обнял Свету. Она уткнулась ему в грудь. Глаза наполнились слезами. Слов не было. Кошмар и не собирался рассеиваться.

– Зачем мы вообще поехали в этот Париж? В эту Европу? Керим? Что ты молчишь? Что нам теперь делать? Как мы отсюда выберемся? Что с нами теперь будет? – запричитала Света на груди у Керима.

Дмитрий встал. Прошелся до забора. Постоял пару минут, вглядываясь в зелень холма напротив и переминаясь с пятки на носок. Вернулся к столу.

– Давайте не будем раскисать. От нас до Зальцбурга гугл показывает 393 километра. И это по дорогам. По прямой еще ближе. Если эти бармалеи таки взорвут эту станцию, то мы попадаем в зону заражения или нет? – Дима вбил в гугле «зона заражения Чернобыль». Перешел в раздел «картинки». На первых-же найденных картах отображались зоны заражения в виде красных и желтых языков, показывающих уровни загрязнения. Языки протянулись в разные стороны от точки с названием Припять. Самые длинные красные языки ухо-

дили вверх и вверх-направо. На острие верхнего языка стояла точка Кричев. – Смотрите, жесткое заражение было даже в 382 километрах от Чернобыля. Это примерно столько-же, сколько и до нас от Зальцбурга. Понятно, что ветер играет роль. У нас тут еще и горы. Но горы тоже не самые высокие. Мне, лично, не очень нравится идея сидеть здесь и ждать взорвут – не взорвут, долетит – не долетит.

– Да, сидеть не вариант. Неизвестно сколько мы уже хватанули в Париже – начал Керим и осекся, испугано посмотрев на Свету. Никто в слух этого не говорил, но у каждого засе-ла мысль о беременности Светы. Мысль о том, что все могли получить дозу облучения, была страшна сама по себе. Но беременность... Об этом было просто невыносимо думать. А что, если и Алиска хватанула дозу? У Димы холодело все внутри от этой мысли. Он отгонял ее. Не пускал в свой мозг. Но мысль витала в воздухе. Каждый раз, когда Дима гладил дочь по голове, он боялся увидеть в своих руках пучок выпавших детских волос.

– Смотрите! – Дима попытался заполнить повисшую паузу. – Зальцбург от нас на севере. Значит нам надо драпать на юг. На юге у нас море. Можем идти вниз по карте или слева от него, или справа. Справа у нас Хорватия, Босния и Черногория. Надеюсь, дальше нам бежать не придется в любом случае. Слева у нас Италия. В нашей ситуации я бы в сторону стран бывшей Югославии не совался. Если уж в Германии-Франции этнические конфликты начались, то эти

балканские ребята друг друга резали еще в начале двухтысячных. Там такое может начаться, вообще костей не соберем. Получается, надо ехать в Италию. Там «сапог» большой, найдем где спрятаться.

В воздухе повисло молчание. Куда-то срываться не хотелось совершенно.

– Может обойдется? Может и не будет ничего? – тихим голосом, шмыгнув носом, спросила Света. – Может не надо куда ехать? Я так уже устала.

– Ну если обойдется, так сразу и вернемся. —постарался успокоить жену Керим.

– Давайте собираться. Чего сидеть-то? Оль, пакуй вещи. Я пока за ребенком в сад съезжу. – Дима энергично поднялся и пошел в дом за ключами от машины.

Глава 10

– Смотри-ка, и пробок особых нет. Я думал, что сейчас половина Словении ломанется вместе с половиной Австрии. Или это мы такие особо трусливые оказались? Может зря помчались? – Керим посмотрел на Диму, когда машина выехала на трассу.

– Так мы еще, считай, по местной дороге едем. Основная трасса с стороны Любляны после Триеста вливается. Еще одна дорога из Австрии со стороны Удины идет. Это вообще километров 60 отсюда. Вот там и посмотрим одни мы такие паникеры или нет. Сейчас Триест проедем, там понятно будет.

На границе особого контроля не было. Чуть в стороне стоял военный джип. Около дороги припарковались полицейская легковая Шкода и микроавтобус. Но пропускали всех спокойно. Надо было только остановиться напротив пограничника, который заглядывал в окно и качал рукой, показывая, что можно ехать.

– Вот непуганые эти итальянцы. У них война тут, может, начинается, а они стоят покуривают на границе. В окошки заглядывают. – Дима удивленно посмотрел в зеркало заднего вида на оставшуюся позади границу.

Извилистая дорога взбиралась через Триест на холм. Сле-

ва вдалеке за промзоной голубое море отражало миллион солнечных зайчиков. Вдоль дороги шли ряды блочных многоэтажек и каких-то складов-заводов. Если бы не море и не матерчатые навесы на балконах, то можно было себе представить, что едешь по третьему транспортному кольцу где-нибудь в районе Волгоградского проспекта.

– Меня вот другое беспокоит. – задумчиво проговорил Дима, кинув взгляд на Керима. – Ты со своей восточной внешностью сильно на араба похож. Тубетейку надень, очки сними и готовый моджахед. Как там в Италии сейчас? Я видел демонстрации всякие с флагами и шариками. Про погромы вроде не сообщалось, но кто его знает какие там строения.

Девочки на заднем сиденье притихли от этих слов. Вроде мысль была от радиации перестраховаться. Да и это им казалось Диминой мнительностью и чрезмерной осторожностью. Перспектива быть побитым посреди цивилизованной Европы улыбочивыми разгильдяями-итальянцами не укладывалась в голове. Не могло этого быть. Это какие-то их внутренние разборки. При чем тут мы – русские? Они мигрантов сдуру напустили, пусть и расхлебывают. А мы чисто пиццу поесть и сувенирчиков купить к ним едем.

Дорога не была особо перегружена. Пробки от Пальмановы в сторону Венеции были обычным делом в последние годы. Шел ремонт, и двух-полосная магистраль плохо справлялась с поток автомобилей. Какого-то нездорового ажио-

тажа не наблюдалось. Не было ощущения, что происходит какое-то бегство с севера со стороны Австрии. Может рано еще? Не доехали просто?

В пригород Падуи вкатились уже в глубоких сумерках. По навигатору нашли забронированный по дороге отель. Бетонная коробка отеля располагалась на окраине города среди высоких заборов каких-то промышленных предприятий. Так себе местечко, неуютненькое. Людей на улице нет совсем. Чуть в стороне по дороге проезжают изредка машины. Где-то за заборами прогремел поезд. Пока выгружались из машины мимо на велосипеде проехал какой-то чернокожий мужичонка в рабочем комбинезоне. Но в самом отеле все было чистенько и пристойненько. В холле работал телевизор. Кадры мертвого Парижа сменялись кадрами демонстраций из разных городов Европы. Усталые заселились в свои номера. Подключились к вайфаю. Новостей из Зальцбурга особо не было. Ведутся переговоры.

Утром встали поздно. Долго собирались и читали новости. Новостей из Зальцбурга не было. В Германии и Франции множество погромов и нападений на мусульман. Но стали происходить и обратные вещи. Группы мусульманской молодежи стали объединяться и давать отпор. А кое-где и первыми нападать. Несколько массовых драк зафиксировано на окраинах городов. Есть погибшие. Непокойно и в других странах. Уже есть единичные эксцессы в Бельгии и Нидерландах. Почему-то в Венгрии множество случаев нападений

на мусульман. Практически во всех столицах прошли многотысячные шествия и митинги. В основном, это шарiki, плакаты и национальные флаги, но уже мелькают и бритые затылки, имперские кресты, флаги с серпом и молотом. Жутковатая смесь.

Появилась информация о предполагаемой причастности к терактам граждан нескольких арабских стран и Кавказа России. Где они умудрились сдружиться? Как друг друга вообще понимают? Что за полиглоты? На Кавказе иногда жители соседних деревень на разных языках разговаривают, а тут арабский выучили что ли? Или как это устроено? А тот европейский обыватель, который новости смотрит, он вникает в нюансы и тонкости взаимоотношений Кавказа с остальной Россией? Или он просто услышал, что французов с немцами русские убили?

Дима с Ольгой из Москвы уехали во многом из-за многократного неконтролируемого роста количества мигрантов в городе. Оказалось, помимо расхождений в культуре и обычаях, что они могут быть как бы вне закона. Всегда есть опция в случае какого шухера отвалить к себе на родину и затеряться где-то в горных аулах. Там, где уголовный кодекс Российской Федерации не имеет силы. Зарезал в Москве прохожего и схоронился у троюрного дяди двоюродной тети в кишлаке. Сколько таких случаев громких было? А сколько не громких? Так теперь за эту братию еще и здесь что ли отдуваться? Там от них проблем опасались, теперь здесь есть

шанс за них отхватить. Абсурд.

Особенно удивлял Диму тот факт, что для европейцев въезд в Россию строго по визам, а для граждан из бывшего СССР безвиз. Почему шведов-голландцев Россия контролирует сильнее, чем узбеков-таджиков? Если сделать безвиз для европейцев, то что будет? Разгул преступности? Этнические конфликты? Религиозные распри? Появятся заголовки типа:

«Преступление совершено лицом скандинавской национальности...».

«Этническая преступная группировка выходцев из Северной Европы...».

«Шотландские гастарбайтеры совершили...».

«Конфликт на религиозной почве с протестантами из Швейцарии...».

Ну бред-же.

Керим молчал. Было как-то неудобно у него что-то спрашивать и вообще обсуждать эту тему. В воздухе висела неловкость. Все старались или молчать, или говорить на отвлеченные темы. Хотя какие тут темы придумаешь?

Решили доехать до центра Падуи. Походить, посмотреть, позавтракать. Солнце светило ярко, воздух был чист и прозрачен, но настроение было сумрачное. Как-то не шутилось и не смеялось. Практически в полном молчании доехали до парковки недалеко от центра. Людей на улице было совсем немного. Старые улочки, небольшие магазинчики. Старина

и очарование. Типичный итальянский город. Решили позавтракать в Макдональдсе. Итальянская кухня может и ценится во всем мире, но итальянский завтрак из круассана с кофейком для русского человека явно недостаточен. Требуется что-то более серьезное.

После завтрака дошли до центральной площади. Очень красивое место. Огромная круглая площадь. Белые статуи. Столетия истории. Дух захватывает. Слова кажутся неуместными и пошлыми. Только молча ходить и рассматривать. Только б Алиска в ров с водой не бултыхнулась. Какие террористы? Какие взрывы? Казалось, все это происходит в другой вселенной. Не может в одном мире такая красота с такой гадостью пересекаться.

Но недолго длилась идиллия. Другая вселенная нарисовалась в виде почтенной тетушки лет шестидесяти. Керим в этот момент отошел чуть в сторону и присел на корточки, пытаясь поймать в кадр своего смартфона живописную композицию. Тетка оказалась от него метрах в трех. Сначала никто не понял, что ее злобное бормотание относится к Кериму. Но ее голос становился все громче. Жесты все резче. Керим выпрямился и удивленно смотрел на эту худую женщину с белыми волосами.

Группка подростков до этого оживленно тархтела возле лавочки на краю площади. Узенькие брючки, укороченные курточки и показная уверенность подрошенных щенят. Лет около 20 всем. Особого интереса к окружающим не прояв-

ляли. Но тут тарактение прекратилось. Все головы повернулись на источник крика. Тетка что-то начала громко выговаривать, обращаясь к молодежи и показывая на Керима. Молодежь нерешительно подошла к тетке. Дима с девчонками тоже подошли поближе.

– Чего она загомонила как будто у нее кошелек украли? – спросил Дима.

– Да хрен ее знает. Шипела сначала чего-то. Теперь вот орет чего-то.

– Non parlo italiano, – выговорил Дима громко и по слогам, – дура старая.

Больше по-итальянски Дима ничего не мог сказать. Но слова Димы распалили итальянку еще сильнее. Молодежь тоже начала волноваться. Сначала заговорил самый здоровый, через несколько секунд подключились остальные.

– Так, заканчиваем балаган. Оля, Света! Забирайте Алису. Пойдем Керим.

Дима потянул Керима за локоть. Здоровый пацан, увидев это, попытался ухватить Керима за руку.

– Руки убрал свои нахрен. – Керим резко одернул руку.

– Я тебе сейчас культяпки твои отломаю, падаль дикая, – сделал полшага вперед Дима.

Лицо Димы побелело. Кулаки сжались. Итальянец, хоть и был здоров, но был ниже Димы. Остальные итальянцы оказались справа и слева от здорового в некоторой нерешительности. Четыре человека. Набросятся все разом, завалят,

не отобьешься. Но в драку лезть пока не решаются. Слава травоядному европейскому воспитанию. Оля и Света окаменели метрах в двух. Алиса прижалась к бедру Ольги. Бабуля заткнулась. Повисла тишина. Две компании буравили друг друга взглядом, но никто не делал никаких движений.

– Так бы и сразу, клоуны – оскалился Дима. – Уходим.

Дима снова потянул Керима за локоть. Ребята повернулись в пол-оборота к итальянцам и медленно, подчеркнуто вальяжно, двинулись вправо, стараясь не терять итальянцев из вида. Девочки пошли рядом. Все молчали. Итальянцы не двигались. Не хватало какой-то искры, чтобы броситься на этих русских.

Ребята вышли с площади на ближайшую примыкающую улицу. Некоторое время шли молча. Постепенно напряжение начало отпускать.

– Пофоткали фонтанчик называется. Повезло, что они сыкливые такие оказались. Могли и ногами запинать, вчетвером-то. Тетка эта еще полоумная. Чего верещала-то? Дура старая! – пробурчал Дима, пытаясь как-то разрядить ситуацию.

– Да, повезло, что это хипстеры городские были, а не колхозники какие-нибудь дикие. – согласился Керим.

– Поедемте в гостиницу, мальчики. Пожалуйста. – предложила Света, взяв Керима под руку и прижавшись щекой к его плечу.

Возражений не было. Осталось найти дорогу к парковке

минуя главную площадь. Проходить через нее еще раз как-то не хотелось.

Глава 11

В гостинице все разбрелись по номерам и залипли в интернете. Только Алиска требовала активности. Непременно нужно было что-то построить, вырезать или раскрасить. У Ольги на мрачное настроение времени не оставалось.

В интернете ничего нового. Опять кого-то зарезали и что-то разгромили. Но в роде не в Италии, и не в Словении. И на том спасибо.

В Зальцбурге идут переговоры. В комментариях горячие головы требовали силового ответа. Требовали ракетно-бомбовых ударов. По целям мнения расходились в диапазоне плюс-минус пол-мира. Требовали выселения всех мусульман. Вот бы они еще писали, как они предлагают выявлять мусульман? Писюны у всех рассматривать? Длину носа измерять? Или на слово верить? А как евреев от арабов отсортировывать? А мусульман выселять прям всех? И Бензема с Зиданом, например, тоже выселять? А куда выселять? Может крематории Дахау уже разжечь пора, по их мнению? Тряхнуть стариной, так сказать. Мрак какой-то.

С другой стороны, когда на вымершие пепелища Парижа и Берлина смотришь, сам думаешь, что нельзя нелюдям, которые это устроили, жить среди людей. А кадры из больниц с покалеченными да облученными как смотреть? Невозможно представить себе еще один взрыв. А если в Москве рва-

нет? Вот подъедет к ГУМу такой шахид-мобиль и привет. Жизнь только в Бутово и продолжится, в лучшем случае. А если в Питере? Барселоне? Лондоне? Да чего тут фантазировать, если в Зальцбурге прямо сейчас может какой-то бар-малей провода соединяет под ядерным реактором. Если там рванет, то хана всему. Пол-Европы обезлюдит.

Сидеть в гостинице и читать все это было невыносимо.

– Давай я в магазин, что ли, съезжу, – предложил Дима Ольге, – продуктов куплю. Ужинать мы чего будем? Да и на завтрак, чувствую, мы в Макдональдс больше не попадаем в ближайшее время. Напиши список. Пойду пока у Керима спрошу, чего они хотят.

Продукты действительно нужны были. В номере был чайник. Можно будет, наверное, и тарелок с вилками раздобыть. В крайнем случае одноразовые купить. Но на самом деле, хотелось Диме из отеля вырваться, чтобы просто по улицам пройтись. За себя он не переживал. Внешне обычно его принимали за поляка или чеха. Тем более, что говорить мог не по-русски, а по-словенски в крайнем случае. Кто из итальянцев в этих славянских языках разберется. Но складной ножик из машины переложил на всякий случай в карман. Береженного Бог бережет.

«Дожили. По Италии с ножом хожу и нерусским прикидываюсь», – усмехнулся про себя Дима.

Решил доехать опять до центра. Вряд ли там те пацаны все еще тусуются.

На площади собиралась толпа. Смонтировали небольшую сцену. Рабочие копошились с проводами. Настраивали звук в колонках. Готовился митинг. Люди были самые разные. Кто-то с мелкими карапузами на краю площади, кто-то с собакой. Все прилично одетые. Почтенные старички. Люди среднего возраста. Говорливая молодежь. Похоже, что весь город соберётся через некоторое время.

Стало холодать. Сумерки постепенно становились гуще.

Надо в магазин успеть, а то закроется все. Дима вернулся к машине, нашел на карте ближайший супермаркет и завел двигатель.

В магазине никто внимания на него не обращал. Падуя – туристический город. Иностранцы здесь явление привычное. Список от Керима и Ольги оказался небольшой. Перегрузив продукты в багажник, Дима задумался. В отель возвращаться не хотелось. Тянуло на площадь.

«Ладно, взгляну один глазком. Потрусь минут пятнадцать и в отель поеду. Чего там больше делать? Все равно по-итальянски ничего не понимаю», – решил Дима.

Народу на площади ощутимо прибавилось. Появились какие-то явно организованные группы с флагами Италии. Длинные белые куски ткани растянули между статуями в центре площади. Что на них было написано Дима, конечно, не знал. По краям площади разместились несколько групп полицейских. Стояло три микроавтобуса с сетками на окнах и на фарах. Настроение толпы Диме совсем не понра-

вилось. Тяжелая урюмость на лицах. Голос из колонок что-то говорил довольно грозно, но, похоже, ни к чему не призывал. Не пытался воодушевить или взбодрить. Человек на сцене выглядел обычно. Брюки, замшевая куртка чуть длиннее пиджака, кепка. Дима не понял кто это был. Может мэр, а может какой местный общественный деятель. Явно авторитетный товарищ. Слушали его внимательно. Речь лилась равномерно. Выступление было больше похоже на лекцию профессора в университете. В словах чувствовалась сила и умение говорить на публике. За сценой тоже толпилась люди. Некоторые, видимо, ожидали своей очереди выступить, остальные, вероятно, были помощниками или администраторами. Некоторые уткнулись в свои смартфоны.

Вдруг по толпе пополз ропот. Люди начали доставать свои телефоны. Рядом стоящие показывали своим соседям страницы новостей на экране. Через минуту девушка из числа помощников вбежал по ступенькам на сцену и стала что-то нашептывать выступающему. Они отошли от микрофона и что-то читали с экрана планшета. Толпа замерла. Повисла тишина. Большинство уткнулось в свои смартфоны. Оратор вернулся к микрофону и проговорил несколько фраз. Дмитрий разобрал среди них слово Зальцбург. Толпа охнула и загудела. Заговорили все разом. Дмитрий тоже достал телефон. В топе новостей стояла фраза: «Взорвана атомная станция в районе австрийского Зальцбурга».

Пипец. Приплыли.

Люди в толпе уже не просто говорили все одновременно, они орали перекрикивая друг друга. На сцену, растолкав всех, вылез здоровенный растрепанный мужчина лет пятидесяти в длинном песочном плаще. Он выхватил микрофон из стойки, и что-то проорал по-немецки. Толпа сбавила громкость. Головы повернулись к сцене. Немецкий язык через усилители в центре итальянского города не слышали, вероятно, давненько. Было в этом что-то неестественное. Мужчина что-то орал и потрясал кулаками. В толпе повис немой вопрос. Похоже никто не понимал, чего именно он орет. Через небольшую паузу на сцену поднялась изящная женщина с черными прямыми волосами и темно-вишневом пальто. Она взяла второй микрофон, что-то шепнула немцу на ухо, и начала переводить на итальянский. Немец стал делать паузы в своей огненной речи, позволяя сделать перевод. Народ на площади заволновался. Правее сцены, там, где стояли активисты с флагами, началось какое-то шевеление. Полицейские тоже пришли в движение. Два офицера прошли к сцене и довольно эмоционально говорили, видимо, с организаторами. Из толпы неслись выкрики, перекрывавшие общий шум. К группе с флагами продвигались люди со всех концов площади. В основном это были молодые мужчины и подростки. В эту-же сторону двинулась и команда из примерно десятка полицейских. Но полицейских было очевидно мало для такой толпы. Толпа гудела. Со сцены продолжал орать мужик по-немецки. Переводчица была поспокойней, но тоже

сильно взволнована. Вокруг флагов толпа все уплотнялась и увеличивалась. Полицейские пытались блокировать толпу с внешней стороны площади. Выстроились в цепочку. Попытки смотрелись жалко. Некоторые особо горячие итальянцы перенесли свой гнев на полицейских. Они что-то эмоционально выговаривали людям в форме. В какой-то момент толпа просто разорвала и поглотила цепочку полицейских. Людская волна хлынула в одну из улиц, которая отходила от площади. Полиция оказалась в водовороте человеческих тел. Над толпой понеслось скандирование. Тысячи человек что-то выкрикивали в едином ритме.

Немца уже убрали со сцены. Его сменил итальянец, который что-то говорил в микрофон, но его, похоже, уже никто не слушал. Со стороны улицы, в которую вливалась толпа, послышался звон разбитого стекла.

«Тут делать больше нечего», – решил Дмитрий и направился в сторону парковки, не отрывая глаз от экрана смартфона, и лихорадочно щелкая по заголовкам новостей. Ничего нового не писали. Разные издания упражнялись в искусстве написания заголовков, но фактически переписывали одну и ту-же информацию на разные лады.

На площади толпа ощутимо поредела, но еще оставалось довольно много людей. Многие сбились в небольшие группы и что-то бурно обсуждали. Некоторые стояли отдельно, уставившись в свои телефоны. Довольно большой поток продолжал втягиваться в боковую улицу вслед за ушедшими вперед

активистами с флагами.

Когда Дима уже сел в машину, его телефон завибрировал.

– Ты куда там пропал? У тебя все нормально? Мы тут извелись уже все. – затараторила Ольга.

– Нормально все. Вот в машину только сел.

– По телеку показываю погромы по всей Италии начинаются. Хотя, походу, не только по Италии. Давай срочно домой.

– Да вижу я. Еду уже. Скоро буду. Никуда не выходите. Даже из номера.

Глава 12

Ребята встретили Диму встревоженными расспросами: «Что там? Правда громят всё? Народу много? Чего полиция?»

– Чего набросились? – попытался пригасить ажиотаж Дима, – Вам по телеку, наверное, уже всё показывают в прямом эфире в лучшем виде. На площади народу много было. Орали чего-то. Потом собралась толпа и двинулась куда-то. Я не знаю куда. Чего там про Зальцбург показывают?

– Нет там больше никакого Зальцбурга. – криво усмехнулся Керим.

– А полиция чего? – не унималась Ольга.

– Так там полиции-то полтора хипстера в нарядной форме. Это вам не наши космонавты отмороженные. Этих подвинули и даже не заметили.

– И чего, правда громят всё? – с сомнением спросил Керим.

– Не знаю всё или не всё, видел как витрина на углу осыпалась. Дальше не знаю. Но настроение там, конечно, не особо дружелюбное. Знаешь, когда фанаты на ЦСКА – Спартак идут с шарфами, пивом и кричалками. Когда еще довольно далеко от стадиона, там, где ментов еще особо нет. Вот примерно то же самое. Думаю, если мигрант какой им на пути попадется, могут натурально забить до смерти.

– Какой ужас! – закрыла рот ладошками Света. Глаза ее округлились и наполнились слезами, – Что же нам теперь делать?

Керим притянул к себе жену и крепко обнял. Ответа ни у кого не было. Отель казался надежной защитой. Тут и персонал, и охрана, наверное, должна быть. И вообще куча всякого народу. Туристы разные. Срываться куда-то на ночь глядя? Зачем? Куда? Если погромы по всей Италии начались, то куда мчаться? Так, вроде показывают, что и в других странах погромы. Если в Падую не приползет радиоактивное облако, то, однозначно, гостиница сейчас самое надежное место. Да еще и на краю города.

Решили затаиться здесь пока все не устаканится. Еды на пару дней хватит. В гостинице есть небольшой буфет. Если чего-то понадобится, можно будет там взять.

Вечер провели все в своих девайсах. Практически в прямом эфире шла анимация по распространению радиоактивного облака. Зрелище завораживало. По карте Европы двигалось пятно. Оно переливалось от бордово-красного через ярко-зеленое к светло-голубому. Интенсивность цвета показывала тяжесть заражения. Начав разбухать над Зальцбургом, пятно качнулось влево в сторону Швейцарии. Пройдя над Инсбруком, основная часть повернула вверх и направо. Лишь тонкий кислотно-желтый язык продолжил движение влево. Прошел над Лихтенштейном и лизнул Цюрих. Еще два языка потянулись через Альпы вниз. Один в направле-

нии Венеции, второй в направлении Любляны. Видимо, Альпы сильно ограничили распространение вниз и влево по карте. Основное облако, пройдя над Мюнхеном, пошло по диагонали вверх и вправо, попутно расширяясь и набухая. Верхняя граница пятна ползла к Праге. Движение вправо шло медленно, но уже было очевидно, что если ничего не изменится, то Вена и Братислава скоро окажутся внутри пятна. Оставалась надежда, что облако не доползет до Будапешта. Нижняя граница заражения, по мнению экспертов, предполагалась на уровне Граца или Марибора. В самом неблагоприятном прогнозе назывался Загреб.

По всем каналам и на всех новостных агрегаторах кадры распространения облака сменялись кадрами панического бегства миллионов людей. Автомобильные пробки забились все дорожные артерии в радиусе километров 500-700 от эпицентра взрыва. Хваленные немецкие автобаны хороши для скоростной езды. Но, в сложившейся ситуации, им явно не хватало ширины. Периодически в эфир выдавали экспертные оценки метеорологов, физиков-ядерщиков и других ученых мужей. Официальные власти и первые лица европейских государств затаились и под камеры не лезли.

По предварительным оценкам в зоне поражения уже оказались или окажутся в самое ближайшее время не менее 30 миллионов человек. Про Австрию и Баварию, судя по всему, можно уже забыть навсегда. Альпы из-за своего сложного рельефа и запутанной карты ветров окажутся безвоз-

вратно потеряны для человечества. Под большим вопросом будущее Чехии, западной части Словакии и севера Словении. Наверняка существенное поражение получит Швейцария, Венгрия, юг Германии и север Италии.

На следующий день было решено снарядить Дмитрия в магазин за, как минимум, недельным запасом продуктов. Радиоактивный язык, который полз в сторону Венеции, запутался в альпийских складках. На карте он превратился в размазанную кляксу между горных массивов. Похоже Венеция и соседняя Падуя могут пока расслабиться.

Перебивая информацию о радиоактивном облаке, по телевизору все утро шла хроника погромов. Картинка постоянно менялась. Трансляции шли из разных городов Европы. Но происходило везде примерно одно и то же. Разбитые стекла. Перевернутые машины. Дым. Толпы людей на площадях и улицах. Где-то полиция пытается вмешиваться, но как-то вяло. Крупно показали перевернутый полицейский микроавтобус. Вот толпа взяла в кольцо полицейский водометный грузовик. Десятки человек бьют по бортам и зарешеченным стеклам палками, прутьями, камнями. Кто-то пытается засунуть в колеса большую доску. Вот картинка выхватывает тело у бордюра в длинной коричневой одежде. После этого опять облако. Паника в Цюрихе, Мюнхене, Праге, Вене. Мнение экспертов. И так по кругу.

Ольга, сидя на подоконнике записывала на лист бумаги перечень продуктов, проговаривая вслух каждый пункт. Ке-

рим со Светой подкидывали идеи сидя на кровати. Дима во-
зился с ребенком на полу. Вспоминая что еще нужно не за-
быть купить, Ольга рассеяно посмотрела в окно.

– Ничего себе!

– Чего там? – откликнулся Дима с пола.

– Иди посмотри.

По дороге из центра города в сторону отеля шла тол-
па. Масса людей двигалась прямо посреди дороги. Дорога и
раньше не была сильно нагруженной, сейчас вообще практи-
чески вымерла. Случайный Ситроен, издавелека увидев толпу,
свернул на боковую улицу. Издавелека это было похоже на чер-
ную жирную змею, которая ползет прямо в отель. В голове
змеи шло несколько сотен человек плотным строем. Дальше
плотность людей была меньше. Толпа распалась на групп-
ки. Было похоже, что многие идут из любопытства и в слу-
чае чего или улизнут, или сделают вид, что не имеют отно-
шения к основной группе. Над дорогой несло скандирова-
ние. Когда несколько тысяч человек что-то скандируют, это
впечатляет.

Все в комнате прилипли носами к стеклу. Даже ребенок
залез на подоконник и смотрел в окно. Толпа приближалась.
Дмитрий почувствовал, как ледяная волна прошла от затыл-
ка через все тело к подошвам.

– Пап, а куда они идут? – дернула Алиса отца за рукав, –
Они что, сюда идут?

Ответа не было. Все окаменели. До первых идущих оста-

валось не более двухсот метров. Что делать? Бежать? Пока обуемся, добежим до лестницы, спустимся с четвертого этажа, как раз выскочим из дверей прямо перед толпой. Сидеть здесь? Может они вообще ни в отель идут? Даже если в отель, не будут-же они все двери ломать? Или будут? Где полиция вообще? Что мы им всем сделали? Так нельзя! Этого не может быть!

В номере повисла свинцовая тишина. Похоже, все даже дышать перестали. До поворота к отелю оставалось менее ста метров. Теперь уже точно поздно куда-то бежать. Может забаррикадировать дверь? Чем? Тут кроме кровати и письменного стола со стулом и нет ничего. Западня.

Вдруг голова этой человеческой змеи свернула на перпендикулярную улицу и тело послушно поползло вслед.

Все одновременно выдохнули. Пронесло.

– Кто там вчера про погромы у меня спрашивал? Вот примерно как-то так. – Дима отошел от окна.

– Я подумала, они реально сюда идут. – выдохнула Ольга.

– Интересно, куда они свернули? Там вроде и нет ничего. Промзона сплошная. – Дима задумчиво почесал подбородок. – Может сходить посмотреть?

– Ты совсем охренел? Куда ты пойдешь? Чего ты там хочешь увидеть? – взвилась на мужа Ольга.

– Да чего такого? Пойду посмотрю. Кто мне чего сделает?

– Голову оторвут и все. Больше ничего не сделают. В футбол поиграть ей еще могут. Она-ж пустая у тебя.

Но Дима уже натягивал кроссовки.

– Донт паник, итс органик! Ща сбегая быстренько. Неспроста они туда все поперлись.

– Кошелек оставь нам, разведчик хренов, и иди куда хочешь. – пробурчала Ольга.

– Если через полчаса не вернусь, считайте меня коммунистом.

– Трактористом. Дал Бог мужа-идиота.

Дима выскочил из дверей отеля и уже через минуту влился в середину толпы, которая продолжала втягиваться в узкую улочку перпендикулярно основной дороге. Никто на Диму особого внимания не обратил. Метров через пятьсот толпа еще раз свернула налево и оказалась перед группой из четырех двухэтажных барачных корпусов справа от дороги. Напротив барачных корпусов была довольно просторная закатанная в асфальт парковка перед воротами какого-то предприятия. Толпа продолжала уплотняться. Отстающие вливались на площадку и подпирали передних. Так вот куда они все шли, оказывается. Невзрачные бетонные коробки без балконов и штор. Грязь под окнами, облезлая штукатурка. Через грязные стекла видны двухъярусные кровати. Это-ж общаги местных раб-отяг-мигрантов, по-видимому. Судя по детским игрушкам около лавочки, живут тут и семьями. За стеклами мелькали лица обитателей. В основном это были смуглые брюнеты и женщины в платках. Но в самом крайнем бараке были и чер-

нокожие ребята.

Толпа набухла и остановилась в нерешительности. Одно дело браво скандировать грозные лозунги в тысячу глоток, а другое – пойти своими руками начать громить и убивать. Во главе колонны были самые горячие парни. Они всю дорогу задавали тон и направление всему действию. Сейчас от них зависело, что произойдет дальше. Пока все ограничивалось скандированием. Толпа понемногу осмотрелась, пообвыкла на новой территории и стала разогреваться. У многих в руках были металлические пруты или бейсбольные биты. Пара умников пришла с клюшками для игры в гольф.

Диме как-то не верилось, что все это происходит взаправду: «Они что, всерьез сейчас здесь хотят устроить побоище? На штурм идти собираются? А если там тоже мужики с арматурой? В Италии оружие, вообще, запрещено? Или тут еще и перестрелка будет? Вот сейчас кто-нибудь первый кинет камень в окно и понеслась душа в рай. Может права была Ольга, зря я сюда приперся?». Дима огляделся и сделал несколько шагов назад. Публика самая разная: от школьников, до вполне почтенных дядечек. Даже некоторое количество девчонок и женщин присутствует. «Видимо давненько у итальянцев ненависть к мигрантам копилась, раз за один день в такое выплеснулась. Запрещали европейцам даже думать плохо о мигрантах, так вот получите и распишитесь. За наркоту, за кражи мелкие и крупные, за агрессию бытовую, за наглость, за мусор, за тысячу других вещей, которые прие-

хали вместе с мигрантами. В конце концов, за Париж, за Берлин, за Зальцбург. За радиоактивную пустыню в центре Европы. За миллионы облученных, пострадавших, бегущих. За разрушенную сытую, мирную и очень приятную жизнь. – от таких мыслей у Димы и у самого кулаки сжались и ненависть заструилась по жилам. – Но, с другой стороны, не убивать-же всех мусульман теперь? Конкретно этих работяг обычных с соседнего завода за что бить. А с бабами ихними и детьми что делать? Да и Керим у нас мусульманин как-никак».

Толпа уже была достаточно взвинчена. Несколько активистов подожгли фаеры и держали их над головой. Красные искры попеременно с густым дымом вырывались из черных трубок.

«Сейчас начнется». – поежился Дима и сделал еще пару шагов назад.

В этот момент с противоположной стороны площадки слышалось завывание сирены. Из-за угла бетонного забора выскочила полицейская машина с включенной красно-синей люстрой. За ней рычали два колесных броневика. Замыкали колонну четыре тентованных военных грузовика. Полицейская машина включила крякалку и стала протискиваться через толпу. Бронетранспортеры и грузовики, не стали церемониться и двинулись напрямик через бордюры, газон и мелкий кустарник к баракам.

Военные припарковались напротив барачков, таким образом, отделив собой эти бараки от возбужденной толпы. Из

грузовиков стали выпрыгивать солдаты с автоматами. Люки броневиков были открыты «по-походному». Полицейская машина наконец-то протиснулась через толпу и остановилась около первого грузовика. Никто в толпе не решился ударить по машине палкой или сделать что-то еще. Толпа нехотя отступила. Из машины с противоположной от толпы стороны вышел офицер с мегафоном. Толпа загудела. Офицер сказал несколько фраз в мегафон. Гул усилился. Солдаты растянулись цепью вдоль своих машин. Автоматы свободно висели на ремнях. Из толпы слышались выкрики. Офицер продолжил что-то говорить в мегафон. По толпе прокатился ропот. Активисты из первых рядов что-то кричали, потрясая руками. Офицер довольно спокойно отвечал в мегафон. Заводилы в толпе попытались запустить скандирование. Получилось средне. Далеко не все поддержали. Перепалка продолжилась, но градус, очевидно, снижался. Толпа явно начала остывать. Многие хотели выместить свою ненависть, боль и злобу на мигрантах, но не идти-же в рукопашную на пулеметы. Да еще и на своих сограждан. Падуя, конечно, не маленький город, но наверняка сейчас по разные стороны оказались родственники, знакомые и знакомые знакомых. То, что еще десять минут назад казалось лавиной ненависти, которая сметет и раздавит все на своем пути, сейчас превратилось в сборище возмущенных людей. Фактически обычный митинг. Дима постоял еще минут десять, послушал весь этот ор, и пошел в сторону отеля, набирая в мессенджере сооб-

щение Ольге. Мысли в голове крутились совсем невеселые: «Сейчас все обошлось, но что было бы, если бы военные не приехали или приехали на полчаса позже? И почему только одна полицейская машина? Где остальные? Где карабины? А что, если это не часть плана по защите, а всего лишь личная инициатива какого-то отдельного командира? А если завтра толпа опять придет? Похоже, надо убираться отсюда. Если заражение не пошло в сторону словенского побережья, то надо возвращаться. Там хоть язык понятен, знакомые есть, да и вообще дома и стены помогают. А если заражение дойдет? Куда тогда? Вот это будет попадос конкретный. Сколько мы Керима сможем прятать от этих бабуинов с палками?»

Глава 13

Следующие несколько дней сидели как мыши в своем отеле. Дима успел-таки съездить в магазин за продуктами до того, как все магазины закрылись. Судя по всему, наступила анархия. Никто в городе ничего не контролировал. Шли погромы и настоящая охота на мигрантов. Толпы заполонили улицы. Движуха не прекращалась ни днем, ни ночью. Что-то жгли, что-то грабили. Где-то бульдозер крушил мечеть. По телевизору как-то мелькнули уже знакомые Диме соседние бараки. Людей оттуда загрузили в военные грузовики чтобы куда-то отвезти под конвоем полиции и армейских джипов. Вероятно, где-то были места поспокойнее.

Наконец-то очнулись политики. Прошло множество совещаний всевозможных советов безопасности ООН, НАТО, ОБСЕ и тому подобных. Пока все вращалось вокруг идеи авиаударов по базам боевиков. Что-то собирались бомбить на Ближнем Востоке. Стратеги хреновы. Планировалось усилить борьбу, вплоть до военной интервенции, в странах, в которых особенно активен ИГИЛ. Штука в том, что в этот перечень попадают помимо Афганистана, Ирака, Сирии, стран северной Африки, еще и российский Кавказ. А среди террористов в Зальцбурге и в Берлине были как раз и кавказцы. Интересно, во что это все выльется? Если б Россия могла решить проблему Кавказа, она бы ее давно решила. Но

пока, ума и сил хватило, только чтоб залить эту проблему деньгами, предоставив местным невиданную автономию по всем вопросам, в обмен на иллюзию тишины и стабильности. Представить вторжение сил НАТО на Кавказ пока было невозможно. Значит будут как-то подталкивать Россию к самостоятельному решению этой проблемы. К чему это подталкивание приведет? К третьей чеченской? К новым взрывам домов? К санкциям за бездействие? Очень интересно, но немножко жутковато.

На общем совете двух семей однозначного решения принять пока не смогли. Вроде, все понимали, что надо бы убраться отсюда пока не поздно, но, с другой стороны, было страшно покидать отель. Погромщики могли ведь и дороги перекрыть. А нам ехать мимо Венеции, Монфальконе и Триеста. В самой Венеции было все сравнительно спокойно. Мигранты там практически не жили, а тех, что были довольно быстро эвакуировали по морю на один из островов. До морской осады дело, вроде, пока не доходило. Но дорога-то идет не через саму Венецию, а через ее пригород Местре. А там, судя по всему, полыхало не по-детски. Местре всегда был крупным промышленным и транспортным узлом. А это означает множество гастарбайтеров. Судя по телекартинке, там натурально началась гражданская война с баррикадами и коктейлями Молотова.

Можно было бы объехать Венецию северней через Тревизо, но кто даст гарантию, что там ситуация сильно луч-

ше? Может на небольших региональных дорогах еще опасней чем на основной магистрали. Основную магистраль может военные какие-нибудь охраняют.

В Словении тоже полыхало прилично. В районе Мурска-Собота местные таки дождались шанса разделаться с цыганами, которых в этом регионе было особенно много. И хотя среди террористов не было ни одного цыгана, это погромы не остановило. Повезло, что рядом проходят границы Хорватии и Венгрии, и большинству удалось уйти туда.

В столице военные оцепили целый район, устроив там подобие гетто. Квартал был всегда известен, как место проживание босанцев.

В прибрежном Копре мусульмане спасались на территории порта. Вообще в Словении ситуация была запутанней чем в Италии. Большое количество босанцев, македонцев, косоваров и албанцев оказались в опасности. Многие из них жили в Словении со времен Югославии. Часто друзья-словенцы прятали их в своих домах. Но были и случаи, когда мусульмане сбивались в группы для самозащиты, которые не только защищались, но и нападали в ответ. Иногда и те и другие не просто громили магазины и кафешки друг друга, но и врывались даже в дома. Счет жертв шел уже на сотни, что для маленькой Словении был колоссальной цифрой. Количество военных и полиции явно не хватало для того, чтобы навести порядок. Стычки вспыхивали по всей стране. Плюс был введен жесточайший контроль на границах. Бедные ав-

стрийцы, которые жили южнее Зальцбурга оказались в западне. Кратчайший путь от ядерного заражения был на юг через Альпы в Словению. Но это грозило тем, что они разнесут на своих колесах ядерную пыль по всей стране. Правительство вынужденно было ставить пункты дезинфекции и контроля, отстойники для зараженных автомобилей, разворачивать полевой госпиталь, организовывать лечение. Для небольшой страны это была тяжелейшая задача. Видимо поэтому, с погромами удавалось хоть как-то бороться только внутри крупных городов, да и то за счет создания гетто. В остальном по стране, похоже, никто ничего не контролировал.

Решение пришло из вне. В дверь номера постучались. Все замерли, глядя друг на друга круглыми глазами. Стук повторился. Дима посмотрел на Керима и беззвучно одними губами прошептал: «Что делаем?». Керим пожал плечами. Дима подкрался к двери. Глазка не было. За дверью разговаривали двое. Дима вынул из кармана складной нож и выдвинул лезвие. В дверь постучали еще раз и женский голос проговорил по-английски: «Пожалуйста откройте. Это администратор». Керим встал за спиной у Димы. В руках у него была стеклянная бутылка 0,33 от Кока-колы. Дима левой рукой (правая с ножом была отведена за спину) повернул барашек замка и приоткрыл дверь.

Это была действительно администратор с ресепшена. С ней был итальянец лет пятидесяти в модном пиджаке и шей-

ном платке.

– Добрый день. Извините за беспокойство, но нам нужно поговорить с вами.

– ОК. Конечно. Что случилось? – Дима открыл дверь шире и выглянул в коридор. Коридор был пуст.

– Вы, вероятно, знаете, что происходит в нашем городе?

Дима кивнул: «Да, конечно».

Ольга со Светой тоже подошли к двери. Дима не мог закрыть складной нож одной рукой, поэтому просто опустил его в задний карман брюк рукояткой вниз.

– У нас была встреча с представителями комитета активистов. Это люди, которые выступают от лица недовольных граждан города.

«Ничего себе. У погромщиков уже есть какой-то комитет и представители. – подумал про себя Дима. – И как они обтекаемо называют погромы. Прямо как будто не людей мочат, а выражают некоторое недовольство политикой».

– Ок. И в чем вопрос?

– Они настаивают, что в этой беспокойной ситуации иностранцам лучше покинуть город. Во избежание возможных неприятных эксцессов.

Дима перевел диалог на русский для всех. Повисла пауза.

– Интересно, они всем постояльцам это говорят, или только русским? – задала вопрос Ольга.

– Это касается всех посетителей этой гостиницы? – перевел вопрос Дима.

Администратор замешкалась. Перевела вопрос итальянцу. Итальянец заговорил эмоционально жестикулируя. Спич его был довольно длинный и в нем мелькнуло слово «Russia». Все понятно. Можно не переводить.

– Мистер Морелато говорит, что в сегодняшней ситуации он сам не понимает, что происходит. Он боится, что эти люди придут сюда и разнесут всю гостиницу. По его мнению, вероятно, гости из России подвергаются большей опасности чем гости из, например, Японии. Он просит понять его. Сейчас никто не может ничего гарантировать. Он просит покинуть гостиницу сегодня. Никому не нужны проблемы.

– Может быть стоит обратиться в полицию? – задал вопрос без особой надежды Дима.

– Полиция сейчас не сможет нам дать гарантию. – администратор понизила голос. – Мне кажется, что некоторые полицейские заодно с теми людьми.

– Ок. Мы сейчас подумаем, как нам поступить и я спущусь к вам. Вы будете на ресепшене?

– Да, я буду там до четырех часов. Я очень прошу вас быть благоразумными. Никому не нужны проблемы. Всего хорошего. До встречи.

Дима закрыл дверь, доперевел для ребят остаток разговора, достал и сложил нож.

– Думаю, надо валить. Не знаю, действительно к ней кто-то приходил, или это ее инициатива, но сидеть тут дальше нет смысла. Надо ехать к нам домой. Закроемся там. Радиа-

ция, вроде, до нас не дошла и не дойдет. Отсидимся. Там на побережье русских много. Объединимся в случае чего. Еще сами шухера наведем, мало не покажется. Там вообще, по моему, словенцев меньшинство. Кого не возьми: или серб, или босянец, или русский.

– А доедем мы? Что там на дорогах? Ты смотрел сегодня ситуацию? – задала Ольга вопрос, который беспокоил всех.

– Я пост в фейсбуке видел. Чувак пишет, что доехал вчера из Вероны до Триеста без проблем. Если Триест проедем, там уж как-нибудь. Хоть огородами, хоть еще как-то прорвемся. Это уже наш регион. Я там все дороги знаю. Поедем через Муджу вдоль моря. Там вообще никогда никого не бывает.

– Ну чего тогда сидеть? Ты иди пока к тетке на ресепшен, а мы будем чемоданы собирать. Правда Светик? Ты как себя чувствуешь?

Света сидела на кровати бледней обычного, обняв подушку.

– Все хорошо. Поедьте к вам. Мне здесь совсем не нравится. Дима правильно говорит. Там нам спокойней будет.

– Всё тогда, решили. Я поскакал чек-аут делать. Ты бутылку-то, Керим, поставь. Вояка грозный.

Глава 14

Из города выбрались без приключений. Трасса оказалась практически пустой. Обогнали две колонны военных. Зеленые грузовики, джипы и колесные броневики тянулись длинными хвостами в правом ряду.

– А почему ты сказал, что у вас на побережье словенцев меньшинство? – спросил Керим у Димы.

– История такая. Наш приморский регион до войны принадлежал Италии, а до этого Австро-Венгрии. После войны еще десять лет не могли решить кому его отдать. То ли вернуть Италии, то ли отдать Югославии. Считалось это особой зоной под управлением внешней администрации. Но жили здесь итальянцы в большом количестве, как я понимаю. У нас до сих пор официально два языка в ходу, итальянский и словенский. Ты не обращал внимание, что у нас все вывески на двух языках пишутся? Так вот, когда решили отдать этот регион Югославии, местные итальянцы не захотели строить социализм, побросали свои дома и отвалили в Италию. Ну не пустовать-же такому месту. Стали завозить людей из других регионов. А кого в Югославии больше всего? Сербов, хорватов и босанцев. Плюс остальные македонцы-черногорцы. Вот их-то и заселили. Так и живут они тут с тех времен. Только еще и родственников подтащили сюда. А когда Югославия развалилась, то из Словении никто не горел желани-

ем возвращаться на свою историческую родину. Словения и во времена Югославии была самой богатой республикой, и сейчас такая-же. Я даже думаю, что после развала Югославии сюда еще больше людей захотело перебраться. Войны-то не было, считай, здесь. И жили богаче. И язык практически тот-же. Поэтому, думаю, чистых словенцев у нас там меньшинство. А последнее время еще и русские с украинцами понаехали. Вообще дня не проходит, чтобы русскую речь не услышать на улице.

– Так сербы и хорваты тоже христиане. Могут заодно со словенцами организовать.

– Я тебе больше скажу, даже босанцы, вроде, не все мусульмане. Но, слабо я себе представляю, чтоб они все объединились и в едином порыве ринулись мочить кого-то. Разные народы как ни крути. У нас соседи сербы, по-моему, всю жизнь живут в Словении, а дома все равно сербское телевиденье смотрят. В общем, всё должно быть ровно. Нам главное до границы доехать нормально. Хотя при таком количестве военных, хрен кто трассу нам перекроет.

Ехать оставалось около двух часов. Все примолкли на своих креслах глядя в окно. Из окна автомобиля не было видно ничего необычного. Те-же поля, леса, промзоны. Обогнали еще одну колонну военных в сопровождении полиции. В небе прошла пара боевых вертолетов. Что интересно, несмотря на всю ситуацию, терминалы оплаты дорожных сборов работали и деньги принимали исправно. Но их, по-

хоже, стали использовать еще и как КПП. За терминалом с обеих сторон дороги стояли несколько полицейских машин, военный джип, два тентованных грузовика и два броневика. Проезжую часть таким образом сузили до одной полосы. С левой стороны от полосы стояли двое военных с автоматами на плече и внимательно смотрели на проезжающие машины. Дима притормозил около них, опустил свое и заднее стекло. Военный чуть нагнулся, скользнул взглядом по салону и махнул рукой: «Проезжайте».

До границы доехали без приключений. Дима решил не выдумывать ничего и продолжил ехать по главной трассе. Вот уже за мостом и пограничный пункт. Перед ним машин пятнадцать-двадцать. Проезд тоже сузили до одной полосы. Справа от пограничного пункта на большой площадке-отстойнике обычно стоят фуры. У них там свои истории с пересечением границы. Сейчас фур не было, но было необычно много военных, полицейских и гражданских автомобилей. Военные и полиция была словенская. Это уже успокаивало. Хотя бы на понятном языке разговаривают. Да и карточки вида на жительство у Димы, Оли и Алиски были подтверждением, что это не чужие случайные люди, а, практически, сограждане. Обо всем этом Дима думал пока очередь из машин медленно подползала к полицейскому в бронезилете.

На это раз, документы проверяли у всех машин, независимо от страны регистрации. Это было нетипично, но ожидаемо.

«Давайте мне все паспорта. И, Оль, карточки ПМЖ вставь внутрь. – Дима обернулся к девочкам на заднем сиденье».

Дима протянул паспорта полицейскому и все повторилось как и в прошлый приезд в Словению. Просьба отъехать вправо в отстойник. Выйти из машины. Открыть багажник. Полицейский, который проверял документы, сделал знак второму офицеру, который стоял чуть в стороне у другой машины. Тот подошел в сопровождении парня и девушки тоже в полицейской форме, но, очевидно, ниже по званию. Внимательно изучил паспорта Светы и Керима.

– Вы говорите по-словенски или по-английски? – задал он вопрос на словенском.

– Диман! Чего он хочет от нас? – повернулся Керим к Диме.

– Спрашивает говоришь ли ты по-словенски или по-английски.

– Мой друг вообще не говорит по-словенски и очень слабо по-английски. Я могу переводить ему. – обратился Дима к полицейскому.

– Хорошо. Нам необходимо с вашими друзьями пройти в то помещение. Следуйте за мной.

«Опять двадцать пять! – с раздражением подумал Дима, но промолчал.

Все вместе дошли до будки. На этот раз офицер остался за своим столом около входа, а ребят попросили пройти в следующую комнату и сеть на деревянные лавки с металличе-

скими ножками. Помещение представляло из себя небольшую комнату, без окон. Посередине стоял стол, который делил помещение напополам. С одной стороны стола две лавки, с другой два стула с подлокотниками. Стены были окрашены краской примерно как в советских подъездах. Примерно настолько-же было и уютно.

Потянулось время ожидания. Десять минут, двадцать, сорок.

– Может они забыли про нас? – Дима выглянул в коридор.

– Оставайтесь, пожалуйста, в комнате. – ответил на Димин вопросительный взгляд паренек в форме.

Прошло еще минут тридцать. Ольга написала в месенджер, что они там сейчас замерзнут в машине с Алиской. Водить она не умела и даже завести машину не могла.

«А я-то что могу сделать? Надо было права уже сто лет назад получить. Сидим ждем неизвестно чего. За это время уже пешком до дома, наверное, дошли бы». – злился Дима.

Наконец, в комнату зашли два человека. Один в форме второй в штатском. Но это были уже какой-то другой полицейский. И форма была другая.

– Мое имя Златко Першич. Это офицер Стоянович. У нас есть несколько вопросов. – Першич держал в руках паспорта Керима и Светы. – Вы, как я понимаю, мистер Дмитрий? Сможете переводить наши вопросы? – задал он вопрос Диме.

– Да, конечно. Я говорю по-словенски.

– Откуда вы едете?

– Из Падуи.

– Что вы делали в Падуе?

– Мы путешествуем. Дело в том, что мы давно знакомы.

Мы в школе учились вместе. – затараторил Дима. – Это мои друзья. Они прилетели из Москвы и вот мы путешествуем.

– Как давно вы путешествуете?

– Керим, вы когда прилетели? Точное число помнишь?

– В конце сентября. Двадцать седьмое, вроде.

Дима перевел.

– Куда направляетесь?

– Домой к нам едем. Изола, Илирска 47.

Штатский, сидевший за столом с рассеянным видом, вдруг встал, облокотился кулаками на стол и навис над ребятами. Такое ощущение, что ему надоел этот разговор.

– Вы в курсе того, что сейчас происходит? – задал он вопрос, переводя взгляд с Димы на Керима и обратно. – Вы в курсе? Вы в курсе, что тут людей убивают?

Глаза его были с красными прожилками. «Не выспался он что ли»? – подумал Дима.

Света втянула голову в плечи и сжалась в комочек. Ребята произвольно отпрянули.

– Да, конечно. – пролепетал Дима, подавленный таким неожиданным напором.

– Что «конечно»? Людей, я говорю, убивают. Мигранты словенцев. Словенцы мигрантов. Вы в курсе? Вы в курсе, что Блед уже в зоне радиации?

Первый, тот, который представился Першичем, тоже встал. Лицо было каменным. Он не стал ничего говорить. Молча похлопал Стояновича по руке: «Поспокойней».

– Правительство Республики Словении приняло решение развести противоборствующие стороны, чтобы исключить столкновения. – проговорил Першич.

Дима перевел на русский.

– И что это значит? – не понял Керим. – Приняли решение, пусть разводят. Мы-то тут при чем?

– Да хрен его знает. Ща спрошу.

– Мы не понимаем, как это нас касается. Мы едем домой. Мы живем в Изоле. У нас свой дом. – заговорил Дима опять по-словенски.

– Это означает, что некоторые категории иностранных граждан должны быть изолированы. Это сделано для предотвращения дальнейшего насилия и стабилизации ситуации.

– Я все равно не понимаю. Мы должны как-то изолироваться? Мы и так едем домой. Никуда больше не собираемся идти или ехать. Будем дома сидеть.

– Что непонятного? – опять поднялся Стоянович. – По Кериму Умарову у нас стоит пометка «подлежит изоляции». Это для его-же блага.

– Как это? Почему? А по остальным? У него жена беременная. Ей нельзя ни в какую изоляцию.

– Ей никуда и не надо. Пометка только по мистери Умарову.

– Димочка! Чего они про нас с Керимом говорят? – уловила ход разговора Света.

– Керима изолировать куда-то хотят. Какой-то закон вышел. Какая-то пометка на нем.

– Что за нах? Куда они меня изолировать собрались? Я чего, вшивый какой-то что ли?

– Подожди, не кипятись. Я пытаюсь понять, что все это значит.

– Извините, а на мне нет такой пометки?

– Пока нет.

– А почему на нем есть?

– Мы сейчас не будем это обсуждать. Не мы это решаем. Сейчас надо, чтобы мистер Умаров отдал вам все ценные вещи. Взял с собой одежду и белье и прошел в нашу машину.

– И куда вы его повезете?

– Пока в Сежану.

– А потом куда?

– Так. Мы заканчиваем этот разговор. Прошу не задерживать нас. Там еще несколько машин ждут. – опять вмешался Стоянович. – Он будет размещен на временном охраняемом пункте согласно закону. Вы всю информацию сможете получить позднее по этому телефону. – Стоянович подтолкнул к Диме лист бумаги с напечатанным текстом. – Сейчас пусть он отдаст вам или жене все свои ценные вещи, электронные устройства и деньги. Пусть возьмет необходимую одежду и пройдет с нами.

Дима перевел.

– Да что-же это такое? – запричитала сквозь слезы Света. – Куда его повезут? В тюрьму? Что такое Сежана? Это где?

– Не в тюрьму. В какой-то пункт временного содержания. Сежана, это город такой тут недалеко.

– Съездил в отпуск называется. Лучше б дома сидели. Телефон тоже отдавать?

Керим снял часы. Вынул из кармана телефон и кошелек. Отдал все это Диме.

– Его вещи у нас в машине. Можно я за ними схожу? – спросил Дима.

– Да. Мы его сейчас отвеем в микроавтобус. Вы можете туда принести его сумку. Вы пока идите. Мы закончим здесь с документами.

Першич открыл дверь. Отдал паспорт Светы и кивнул головой: «Всего хорошего».

Алиска уже заснула в своем кресле. Ольга, увидев, что ребята наконец-то идут, вышла из машины и аккуратно приотворила дверь.

– А Керима куда дели?

– Забрали Керима.

– Опять ты со своими шутками. Не смешно уже. Мы тут околели. Чего так долго?

– Я не шучу. Керима забирают в какой-то пункт временной изоляции.

– Да ладно! Свет, это правда? Разыгрываете меня что ли?

– Прааавдаааа... Забраааали – разрыдалась Света.

Ольга притянула Свету к себе и обняла. Света уткнулась лицом в плечо Ольге.

– Что происходит? – вопросительно посмотрела Ольга на Диму за спиной Светы.

– Шмотки Керимовские надо в отдельную сумку собрать. Его сейчас, походу, в тот микроавтобус посадят.

Ольга гладила Свету по спине и по затылку. Дима открыл багажник. Вытащил на асфальт их с Ольгой чемодан. Две больших дорожных сумки Керима со Светой развернул так, чтобы удобно было в них перекладывать вещи.

– Светочка, давай вещи Керима переложим в одну сумку. – шепнула Ольга, продолжая поглаживать плачущую Свету.

Света отстранилась, посмотрела заплаканными глазами на открытый багажник и зарыдала еще сильнее.

– Дим! Там в синей сумке в основном вещи Керима. Просто вытащи оттуда все лишнее и отдадим его. – проговорила Ольга, опять прижимая Свету к себе.

Дима раскрыл сумку. Там действительно лежали в основном мужские вещи. Вытащил ноутбук и планшет с проводами. «Чего там еще лишнего? Может наоборот доложить чего нужно? Что, вообще, положено брать с собой в концлагерь? – усмехнулся про себя Дима. – Интересно, что гугл ответит на такой запрос?». Дима постоял немного. Открыл на асфальте

свой чемодан. Посмотрел задумчиво на содержимое. Оглянулся на Ольгу. Она успокаивала Свету. «Положу ему свой шарф. – решил Дима. – Еще тапочки свои теплые, которые из дома. Что еще? Книга есть. Положу. Не знаю, что еще. Ладно, потом доведем если надо будет. Ни на северный полюс-же собираем его». Дима застегнул сумку и покатил ее ко входу в будку. Рядом стоял полицейский микроавтобус. В нем уже сидела пара бедолаг.

Через минут десять вышел Керим в сопровождении полицейского. «Ну хоть без наручников». – отметил про себя Дмитрий.

– Вот чемодан. Привезем остальное, если надо будет.

– Спасибо. Как там Света?

– Нормально. Вон они около машины стоят. Может поехать за тобой, посмотреть куда повезут?

– Нафига? Тебе-ж телефон дали. Там и адрес какой-то есть. Чего сейчас по темноте ездить? Езжайте домой и сидите там лучше.

– Извините. – полицейский мягко подвинул Диму и хлопнул дверь микроавтобуса.

После небольшого совещания группа полицейских расселась по машинам. Первым вырулил на дорогу микроавтобус. За ним полицейская Шкода.

Света пропустила момент, когда вывели Керима. Не заметила она и того, как машина с Керимом выехала с парковки. Дима с Олей посадили плачущую Свету в машину и двину-

лись в сторону дома.

Глава 15

Оказалось, что создание гетто и сборных центров для мигрантов, это совсем не словенское изобретение. Практически все европейские страны пришли к такому решению конфликта. В большинстве случаев, под лагерь временного содержания адаптировали территории военных частей. Благодаря этому решению накал страстей стал спадать. Хотя, конечно, выглядит жутковато, когда людей по этническому признаку вылавливают на улицах, забирают из квартир, домов, общежитий. Например, пару дней назад, прямо около дома полиция послала в машину и увезла на сборный пункт девчонку из Узбекистана, Олину знакомую. Девушка вышла из дома с мусорным пакетом и была поймана. Забрали просто за восточную внешность, а может и стуканул кто-то из соседей. Муж-словенец потом бегал, бедолага, доказывал, что это его законная жена и мать двоих детей-граждан Словении.

По телефону удалось получить разрешение на посещение Керима только на следующий четверг на 10-00. Никакой другой информации не давали. Что нужно привезти не сказали. Когда выпустят вообще говорить отказались. Сказали, что это не в их компетенции. На пятницу Дима записался на прием в посольство России. Там собирали данные о российских гражданах, которые застряли в Европе.

Дни коротали дома. Даже на свой участок не выходили,

чтоб проходим глаза не мозолить. Ребенка в сад не водили. Жалюзи и ставни на окнах не открывали. И днем, и в комендантский час ночью улицы постоянно патрулировали военные и полиция. Один раз Дима выбрался в супермаркет. По абсолютно пустым улицам изредка проезжали машины. Магазин работал как обычно, а вот охранялся как военный объект. Въезд на парковку контролировал военный джип с солдатами внутри. У входа в магазин прохаживались еще трое военных с автоматами. Внутри сидела пара полицейских. В магазин люди вынуждены ходить в любом случае, и администрация города опасалась конфликтов. Продукты, в общем, были, но некоторые категории товаров смели под ноль. Стеллажи с мукой и сахаром стояли абсолютно пустые. Похоже, что в случае какого шухера людей пробивает на мучное и сладкое. Рис и макароны были, но только самые дорогие марки. Сильно поредели стеллажи мясные, молочные и всякие фрукты-овощи. Народу в магазине было мало. В воздухе висела нехорошая тишина. Люди, не поднимая глаз, закидывали в свои тележки продукты и молча катили дальше. То ли им страшно, то ли стыдно. А может все вместе.

В фейсбуке постоянно шли обсуждения кого забрали, когда обещают отпустить и что нужно передать. Люди кормили друг друга слухами об открытии границ и возобновлении полетов. Реальной информации пока не было. За время погромов погибло несколько человек из русскоговорящей тусовки. Пострадало достаточно много. Двоих казахов избили

недалеко от их дома. Одной семье армян из Сочи соседи сожгли машину. Подобных историй было множество.

Страшны были и рассказы тех, у кого родственники или знакомые в зоне поражения оказались. Там и облучение, и выкидыши, и прочая дичь. У одной знакомой мать лежащая с переломом шейки бедра в Берлине в своей квартире лежала. Народ после взрыва из города разбежался. Сиделка тоже сбежала. Все про мать забыли, а она в одном квартале от места взрыва радиоактивную пыль лежит глотает. Зону оцепили. Никого не впускают. Никто ничего не знает, никто ничего не решает.

Правительство Словении заседает чуть не 24 часа в сутки. ООН и Евросоюз тоже что-то всё решают день и ночь. Вроде решили сформировать список стран, в отношении граждан которых будет проводится усиленный контроль миграционной политики. Пока неясно что за список и что за усиленный контроль. Вроде идут переговоры с Алжиром и Тунисом о создании на их территории карантинных лагерей. Ссылаются на опыт Австралии, которая открыла лагеря для нелегалов в Папуа-Новой Гвинее. Идея в том, чтобы всех новых нелегалов отправлять в такой карантинный лагерь на время рассмотрения возможности допуска в Евросоюз. Например, приплыла лодка с мигрантами на Лампедузу, всех перегрузили на другой корабль и отправили в Алжир в лагерь. А там уже можно и годами заявления рассматривать, и всю остальную бюрократию разводять. То же самое собираются сделать

со всеми уже известными нелегалами.

Русскоговорящее общество забурлило, когда прошло предложение лишать людей уже полученных видов на жительство. Получаешь пособие от государства или просто не платишь налоги, изволь объясниться на кой ты такой нарядный в Европе нужен. В Словении это мало кого взволновало, здесь большинство людей заехало по программе бизнес-эмиграции и хотя бы иллюзию финансово-хозяйственной деятельности в своих фирмах поддерживали практически все. А вот в других странах, видимо, немало людей успело припасть к теплой груди европейской социальной помощи.

Террористы террористами, а возможность подрезать расходы бюджета политики не упустят. А тут еще и социальное напряжение вроде снижается. Сплошной профит по всем фронтам. Тем более, что европейские обыватели самых решительных действий требуют. Там, где можно, митинги огромные проводят, там, где нельзя, в соц. сетях буянят. Опросы показывают под девяносто процентов в среднем по Европе поддержки у идей типа полного запрета ислама, высылки всех мусульман, сноса мечетей и тому подобных. Вплоть до ядерных ударов по исламским странам. Миллионы просмотров и лайков в Youtube набирают ролики про японский опыт в вопросах Ислама. Там и про запрет на призывы к Исламу, и про запрет на молитву в публичных местах, и про запрет религиозной литературы, и много еще про что. До ядерных ударов может и не дойдет, но реагировать вла-

сти как-то должны. Это-ж демократия. Не ублажишь своих избирателей сегодня, дашь слабинку, завтра они выберут кого-нибудь более решительного. Кого-нибудь, кто пообещает сделать все это и еще чего-нибудь сверху.

К четвергу девчонки собрали сумку для Керима. По совету бывалых уложили эмалированную кружку, мыло, полотенце, книги. Достали с дальней полки Димины шерстяные носки. Продуктов насобирали целый пакет. Всякие конфетки, печеньки, сухарики. На всякий случай отыскивали кнопочный дешевый телефон. Вдруг удастся передать Кериму.

Выехали утром с большим запасом, чтоб точно не опоздать. Ехать оказалось чуть больше сорока минут. Навигатор привел к бетонному забору где-то посреди леса. Судя по всему, это была военная часть. Полянка недалеко от ворот была уставлена легковыми автомобилями.

На КПП все показали свои документы. Апатичный дежурный переписал все данные в журнал и сказал ждать перед воротами. К указанному времени всех проведут внутрь.

У ворот уже собралась толпа человек в тридцать. Публика была самая разнообразная, но, в целом, обычные люди как на автобусной остановке или в продуктовом магазине.

Ровно в 10-00 из дверей КПП вышел офицер и пригласил всех пройти внутрь. На территории за КПП людей поджидали еще три солдата. Офицер попросил не растягиваться и не отставать. Сказал, что идем вон к тому белому строению. Идти надо было через большую заасфальтированную площадку

мимо двухэтажных жилых корпусов. Солдаты пристроились сбоку и сзади группы.

Белое здание оказалось столовой. Поперек всего помещения в ряд были выставлены столы. Таким образом помещение оказалось поделенным на два примерно равных отсека. С одной стороны запускали посетителей, с другой стороны выводили местных обитателей. Около каждого стола по солдату. Офицер сделал небольшой инструктаж по правилам. Ничего без спроса не давать, ничего не брать. Если есть вопрос, надо спросить солдата. Если солдат не знает, он спросит офицера. На все про все двадцать минут.

Дима с девочками занял второй стол от стены слева. Через пару минут в столовую ввели группу человек в пятнадцать. Среди них был и Керим. «Мы тут!» – замахала рукой Света.

Керим подошел к столу кивнул и сел со своей стороны. Повисла неловкая пауза. Было непонятно что в такой ситуации делать. Уместно обниматься через стол или нет? За руку здороваться? Целоваться?

Дима заметил, что в брюках у Керима теперь не его пиджонский ремень из кожи ската (объект Диминых шуток в прежние времена), а какое-то коричневое недоразумение, но ничего не сказал. Света, вроде, не заметила. Она смотрела в лицо Кериму, как будто пытаясь что-то увидеть сквозь кожу. Керим немного осунулся и как-то посерел. Не тот чтобы выглядел больным, но и здоровьем не пылал. Был ощутимо напряжен.

– Ну, как тут дела? – задал максимально нелепый вопрос Дима.

– Да, Керимочка, как у тебя дела? – подхватила Света.

– Нормально всё. Кормят, поят, спать укладывают. Как в пионерском лагере. Рекомендую.

– Смешно. – сказал Дима, не улыbnувшись.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Керим у Светы.

– Все хорошо. Даже токсикоза нет. А чем занимаетесь в остальное время? – Свете хотелось, чтобы Керим что-то говорил.

– Хозработами занимаемся. Кто в столовой картошку чистит, кто корпуса красит, кто барахло всякое таскает когда надо. Не скучаем особо.

– А живете вы как? Сколько человек в комнате?

– Человек по тридцать. Двухъярусные кровати. Нормально. Жить можно. Со мной в комнате парень из Владикавказа. Вот с ним тусуемся в основном. Чувака забрали как кавказца, а он крещенный православный.

– Это хорошо. А остальные кто? Есть еще русские ребята?

– Остальные разные. Работяги в основном. Русских в нашем отряде больше нет. В основном балканцы всякие. Босанцы, албанцы. Есть два негра. Английского не знают, друг друга не понимают. Хрен его знает откуда такие взялись тут. Сербо-босанец есть один. Вот человек русских реально любит. По-русски немножко говорит. Тоже с нами ходит везде. Как переводчик помогает иногда. Еще тип есть один. На-

турально бандюган из девяностых. Авторитета из себя строит. Крестный отец недоделанный.

– А к русским как относятся? – заволновалась Света.

– Никак не относятся. У них своя тусовка, у нас своя. Нормально всё – помрачнел Керим.

– Ну а чего дальше будет, говорят вам? Когда выпустят или что они там думают? – поменял тему Дима.

– Ничего не говорят. За все время один раз водили куда-то. Уточняли по анкете. Родители, родственники, адреса, чего в Париже делал. Так, формальности какие-то.

– Может тебе привезти чего надо? Мы тут вот собрали кой-чего. Конфетки-бараночки. Носки шерстяные тебе от сердца отрываю. Что-то надо в следующий раз взять?

Дима достал сумку и разложил все содержимое на столе, чтоб получить одобрение солдата на передачу.

– Бритву привезите. Какие-нибудь станки одноразовые. Типа Big, знаете такие бывают? Больше вроде ничего не надо. Смотрю, кружку и мыло привезли. Молодцы. Это надо было. Доширака может еще какого привезете? А то местный повар так себе кулинар. Всё пресное у него какое-то. Но это так, необязательно.

– Ты похудел Керимушка. – засюсюкала Света. – Ничего, когда выпустят тебя, я тебя откормлю. Борщеца тебе наварю. Целую кастрюлю. И котлеток гору. С пюрешечкой.

– Может тебе телефон как-то сунуть можно? Мы привезли с собой старый кнопочный, —спросил в полголоса Дима,

скосив глаза на солдата.

– Не надо. Куда мне тут звонить? Нарываться только. Лучше расскажите, что там в мире делается.

– Вроде подуспокоилось всё. Самых злодеев вроде тебя по лагерям распихали и сразу жизнь наладилась. – не удержался от шутки Дмитрий.

– Ты зря смеешься. Я так понимаю, здесь сидят не только те, кто мордой не вышел, типа меня, но и те, кто реально чего-то там громил и бузотёрил. Нелегалы какие-то стрёмные еще. Поэтому и режим такой полутюремный. Они-ж сначала нас здесь собрали, типа, для нашей-же безопасности. А теперь вон стоят смотрят, чтоб ты мне чего незаконного не передал.

– Завтра еду в российское консульство. Данные на тебя повезу. Может они там на своем уровне что-то порешают. Самолет организуют или еще чего. А на следующей неделе пойду в местный муниципалитет. Пишут, что там тоже можно что-то порешать. – Дима попытался взбодрить друга, – в общем вытащим тебя как-нибудь. Ты им тоже тут нафиг не нужен, я так думаю.

Солдат наклонился к столу и сказал, что время вышло.

Глаза у Светы опять наполнились слезами. Она встала, перегнулась через стол и обняла Керима. Керим поцеловал жену в темечко, наклонился к уху и стал что-то нашептывать. Ольга с Димой подхватили Алису и поспешили деликатно отойти от стола.

– Всё, бывай. – Дима неловко махнул рукой и пошел к выходу.

– До свидания, Керимушка. – всхлипнула Света. Ее за локоть мягко тянула Ольга. Большинство людей тоже потянулось к выходу, – Я тебе жду! – уже от дверей крикнула Света в спину Кериму, которого вместе с остальными бедолагами уводили в противоположном направлении.

Глава 16

Так прошел месяц. Ситуация в стране более-менее стабилизировалась. Пусть комендантский час еще оставался, но уже ребенка можно было водить в детский сад. В садовской группе появилось несколько новых детей из Австрии. Они не говорили ни по-словенски, ни по-итальянски. Родители более-менее говорили по-английски, но были молчаливы. Их вместе с другими эвакуированными австрийцами разместили в разных местах города. Кто-то жил в спортивном зале, кто-то в школе, кого-то приютили в своих домах словенцы. О комфорте говорить не приходилось, главное, чтобы крыша над головой была.

На ближайшей к дому трассе стали регулярно встречаться эшелоны автобусов, которые шли в сопровождении военных и полиции к границе Хорватии и дальше на юг. Автобусы шли не только на словенских номерах. Многие были на номерах Швейцарии, Италии, Австрии. Аналогичные колонны встречались на всех выездных дорогах Евросоюза. Появились активисты, которые пытались перекрывать дорогу таким автобусам, ложились под колеса, растягивали плакаты. Но с такими обычно особо не церемонилась ни полиция, ни случайные прохожие. Оттаскивали с дороги грубо за шкуру с нескрываемой злобой.

В порту города Копер тоже кипела жизнь. Дима с Олей,

Светой и ребенком ходили смотреть как огромные паромы заполнялись людьми. Шел непрерывный подвоз на поездах и автобусах. Грузовой порт не очень-то предназначен для пассажирского оборота. На самом ближнем к городу причале расчистили и огородили площадку в пару футбольных полей. Обычно с этого причала шла погрузка новых автомобилей в громадные корабли-автовозы. Сейчас прямо на бетоне, иногда под дождем и ветром тысячи людей всех возрастов ждали своей очереди на погрузку. Площадку отгородили со стороны города грузовыми контейнерами, чтобы с дороги не было ничего видно, но с обзорной площадки на холме отлично просматривалось все происходящее. Местные жители по-разному относились к увиденному. Кто-то радостно и возбужденно потирал руки, кто-то неодобрительно качал головой. Открытых конфликтов не происходило. С одной стороны, на холме предусмотрительно дежурил наряд полиции, с другой стороны, многие чувствовали или даже точно знали, что могут сами оказаться на той площадке внизу за забором в любой момент.

Правительство всячески старалось демонстрировать полную готовность применить самые суровые меры для всех иностранцев-нарушителей законов и порядков. Из тюрем были депортированы в свои страны почти все иностранцы. Был проведен аудит граждан с двумя гражданствами. Единственное гражданство пока не отбирали (хотя и эту идею активно обсуждали), но, если обнаруживалось второе граждан-

ство или вид на жительство страны из специального списка, то человек попадал под особый контроль бюрократии и полиции. Смотрелась вся его история жизни. Не был ли замечен в чем-то противоправном? Исправно ли платил налоги? Является ли достойным и полезным членом общества? Интегрирован ли в европейское общество? Вызывали соседей давать характеристику. Учитывая, что процедура была новая и не обкатанная, никто не понимал куда может такое рассмотрение привести в каждом конкретном случае. Поэтому на дорогах и улицах все стали вдруг до невозможности вежливыми. В конфликты не вступали. С соседями не ссорился. Здоровались и извинялись при любом возможном случае. Наступило всеобщее братство. Правда какое-то нервное и настороженное.

Как и предполагалось, под запрет попали любые проявления Ислама. Религиозные обряды, молитва в публичных местах, религиозная литература, пропаганда Ислама, религиозные организации, строительство мечетей и тому подобные вещи. Вплоть до запрета на ношение религиозной одежды.

Для новых мигрантов и тех, кто заехал менее 5 лет назад, собирались организовать, помимо обязательных языковых курсов, еще и обязательные курсы интеграции. Как мусор сортировать, как с соседями себя вести, как возможные конфликты решать, какие правила и нормы поведения надо выполнять, как к евреям и государству Израиль относиться (это только для выходцев из мусульманских стран предпола-

галось). По окончании курса экзамен, без которого не получишь продление вида на жительство.

В Алжире открылся первый карантинный лагерь для нелегальных мигрантов. По замыслу европейских властей, мигрантам теперь не будет смысла тратить последние деньги и рисковать своей жизнью, переплывая Средиземное море. Ведь на берегу их будут ждать корабли, которые отвезут их обратно в Африку.

На официальном уровне никто не говорил про разрыв с мусульманскими странами и про начало какой-то конфронтации. Все подавалось под предлогом наведения порядка с нелегальной иммиграцией, борьбе с наркотрафиком и международной преступностью.

Что интересно, через некоторое время стало очевидно, что оборот наркотиков действительно просел. Правда ненадолго. На освободившееся место ринулось сразу несколько этнических группировок. В основном из Восточной Европы.

На некоторое время опустели тюрьмы. Резко пошла вниз кривая количества краж. Сократилось почти до нуля количество преступлений против личности вообще и изнасилований в частности. Это, правда, без учета стычек на национальной почве.

Не все европейцы одобряли принятые меры. Многие считали их неправильными или избыточными, но как они могли отстаивать свою точку зрения, если каждый выпуск новостей был наполнен кадрами мертвого Парижа, Берлина,

Зальцбурга, Мюнхена? Постоянно шли репортажи из переполненных больниц, из лагерей беженцев. Десятки миллионов людей потеряли здоровье, имущество, покинули родные города. Что тут скажешь? Как удалишь из интернета кадры праздников в арабских городах по случаю очередного взрыва?

Сколько теперь пройдет десятилетий, пока слова «мультикультурализм» и «толерантность» снова можно будет произносить без риска для здоровья? Что должно произойти, чтобы любой разговор на эту тему не обрывался простым вопросом: «Ты что, забыл к чему это привело тогда? Хочешь опять как в Зальцбурге?».

Экономику ожидаемо залихорадило по всему миру. В Европе разрушились цепочки поставок. Перестали летать самолеты. Остановились предприятия. Множество людей потеряло работу или ушло в бессрочные отпуска. Активно работали только медики, военные, полиция и бюрократы. Никто не понимал что будет завтра и чем все это закончится.

Глава 17

Спустя несколько недель появилась возможность купить билет на вывозной рейс Аэрофлота. Российское правительство озадачилось-таки вопросом застрявших в Европе россиян и запустило программу вывоза соотечественников из европейских стран. Рейсы хоть и были специальные вывозные, но цену на билет Аэрофлот не забыл поставит в 3-4 раза выше обычной. Но это уже пустяки. Главное, имея на руках билет, можно было забирать Керима из лагеря.

Проблемой оказалось попасть на такой рейс. Вывозные рейсы улетали только из Франфуркта. А как туда теперь попасть из Словении? Прямая дорога на север через Альпы была недоступна. Большая часть Австрии была заражена, эвакуирована и закрыта для любого движения. Как и весь юг Германии. Можно было бы ехать через Милан и дальше через Швейцарию, но Швейцария намертво закрыла свои границы для любого транзита.

Объезд через Францию слева или через Венгрию-Словакию-Чехию справа, получался настолько длинным, что проще было уже ехать прямо на машине в Россию. Но тут тоже было все не гладко. По каким правилам работала польско-белорусская граница было совершенно неясно. Информация менялась каждый день. На границе уже выстроились очереди на многие километры. Реальностью стало многоднев-

ное ожидание на границе. Перспектива просидеть несколько дней на границе в машине с ребенком и беременной женщиной не вдохновляла.

Украина с российскими паспортами не пропускала категорически. Дожили.

Вариант ехать через Хорватию в Сербию или Боснию смысла особого не имел. Эти страны впускали исключительно своих граждан.

Пока получался самый оптимальный маршрут все-таки через французский Лион. Около 1600 километров, конечно, не мало, но и не смертельно. Вопрос был в пересечении границ. Словения-то была готова отпустить Керима при наличии билета, но как пойдут дела на итальянской, французской и немецкой границах не мог сказать никто. Принять окончательное решение мешал еще и тот факт, что постоянно ходили разговоры про запуск вывозных рейсов из Италии буквально со дня на день.

Света была согласна на любой вариант. Ехать несколько тысяч километров. Сидеть в очереди. Спать в машине. Только бы выпустили Керима.

– Димочка, давай уже что-то делать, – Света умоляюще смотрела на Диму. – Давай купим билет, заберем Керима и поедем в аэропорт. Пожалуйста.

– Я не против. Но как мы туда поедем? Через Венгрию и Чехию? Далекو получается. Чехов тем более радиация зацепила. Они там на своем юге многие дороги перекрыли. Как-

то объезжать по проселкам придется. Границы опять-же. Пишут, что в той стороне вообще кризис полноценный в некоторых областях. Ни еды, ни бензина, ни центральной власти.

– Ну как-то проедем, наверное. А то, что далеко, так это не проблема. Мы вон сколько уже проехали. Или поехали через Францию. Ты говорил, что через Францию тоже можно. Мы же из Парижа нормально доехали. Не рассыпались.

– Светик. Я постоянно думаю об этом. Через Францию с Керимом рискованно ехать. Заберут его опять и отправят в Алжир вместе с остальными. Где мы его там искать будем? У них там после Парижа вообще жесткач. Границы вроде не совсем закрыты, но с мигрантами дичь какая-то происходит. Эшелонами высылают.

– Ну нельзя-же вот так сидеть и ничего не делать, – глаза у Светы и до этого были мокрые, а теперь по щекам текли крупные слезы. Он-же там сидит как в тюрьме. Сколько это может продолжаться. За что нам все это?

Ольга под села к Свете и прижала ее голову к себе. Алиса под села к Ольге с другого боку и тоже заплакала.

Дима забрал ноутбук и пошел к себе в кабинет. Конечно, надо как-то вызволять Керима. Сколько он там сидеть будет? Через злых французов ехать не вариант. Надо через венгров. Проедем Будапешт, а там посмотрим. Может на границе белорусы что ускорят. Ну или правда как-то через словаков с чехами проедем. Хотя конечно тоже стремно. Найдется какая-нибудь падла за шестьдесят восьмой год на всех русских

обиженная. Может вообще никуда не ехать? Отсидеться тут до лучших времен? Керима только вытащить как-то надо. И Россия тоже мне сверхдержава называется. Не могут рейсы из Венеции какой-нибудь организовать что ли? Сколько уже говорят про рейсы из южной Европы. Ладно, черт с ними. Канистру, наверное, надо прикупить под запас топлива в машину. Хотя если что, это тоже не особо спасает. Надо с Керимом обсудить все это. Может зря мы дергаемся? Пересидит он там в своем пионерлагере какое-то время, а там, глядишь, и самолеты полетят. Вот в четверг опять поедем к нему и порешаем что нам делать дальше.

Глава 18

– Оленька, подойди, пожалуйста. – Света выглянула из ванной с испуганными глазами.

– Что случилось? – Ольга вытерла руки об полотенце на кухне и поспешила к Свете. Как-то очень ей сразу не понравился её тон и вид.

Девочки заперлись в ванной на несколько минут.

– Дима! Надо срочно в больницу ехать. – Ольга выглядела явно взволнованной. – Свете нехорошо.

– В каком смысле нехорошо? – не понял Дима.

– Какая тебе разница? По женским делам нехорошо. Надо ехать срочно. – Ольга многозначительно посмотрела в глаза мужа. – На-до е-хать, – повторила она по слогам.

– Ну надо, так надо. Чего буянит-то сразу. Сейчас переоденусь и поедем. Вы сами-то готовы?

До больницы ехать около десяти минут. Света выглядела нехорошо. Лицо и даже губы приобрели нездоровый серый оттенок. Глаза смотрели испугано в одну точку. Скорее даже не в точку, а внутрь себя.

В регистратуре приемного отделения переводить взялась Ольга. Дима присел на лавочку немного в стороне. Вникать в женские проблемы было как-то неделикатно, да и желания особого не было. Пусть сами разбираются.

«Нет, у нее нет вида на жительство в Словении, – доносил-

ся до Димы диалог Ольги с медсестрой за стеклом регистра-
туры, – вот ее туристическая страховка. Что значит кончи-
лась? И что теперь делать? А за свои деньги можно попасть
на осмотр? Ну, давайте мы пойдём за деньги. Куда оплачи-
вать? А потом в какой кабинет? Ок. Спасибо. Всего хороше-
го».

– Дима, оплати, пожалуйста, вот этот счет. Вон там за
столбом, говорят, касса у них, – Ольга протянула листочек
Диме.

– Сто семь евро за первичный осмотр? Ничего себе цены
у них. Это мы получается не зря свою страховку платим, –
Дима озадачено повертел листок бумаги в руках.

– Оплати скорее, прошу тебя, не тяни время. Мы пока к
восьмому кабинету пойдём. Приходи туда с чеком.

Ольга приобняла Свету за плечи и повела вдоль коридора.
Дима быстро вернулся с чеком, но можно было не спе-
шить. Всё равно пришлось подождать некоторое время вы-
зова доктора. В кабинет девочки зашли без Димы.

Из восьмого кабинета Свету отправили в кабинет УЗИ на
втором этаже. И опять Диме пришлось бежать оплачивать
новый счет.

В кабинете УЗИ девочки провели неправдоподобно мно-
го времени. Через минут десять-пятнадцать туда зашел еще
один доктор, почтенный дедушка, похожий на профессора
Преображенского. Медсестра привезла кресло-каталку. Ещё
через несколько минут дверь наконец-то открылась, и мед-

сестра выкатила кресло-каталку с рыдающей Светой. Дима вскочил. Света закрыла лицо руками и даже не плакала, а скорее выла. Следом вышла плачущая Ольга.

– Всё очень плохо, Дима. Всё очень плохо, – уткнулась Ольга лицом в грудь Димы.

– Что плохо? Почему она в каталке? Она ж ходячая была.

Ольга не ответила. Вытерев слёзы обратной стороной ладони, она побежала догонять медсестру, которая катила кресло в сторону лифта.

Догнав медсестру, Ольга отдала ей несколько листов бумаги. О чем-то поговорила. Пока ожидали приезда лифта, Ольга, наклонившись неудобно над каталкой, обнимала Свету, что-то ей нашёптывая на ухо. Дима продолжал стоять около лавочки, не понимая, что происходит, и что сейчас надо делать. Когда лифт уехал. Ольга побежала обратно к кабинету УЗИ. Заскочила на секунду внутрь и вышла с какими-то распечатками в руках.

– Возьми Светину куртку и шарф, пожалуйста, – Ольга старалась не плакать, но слёзы стояли в глазах.

– Что это вообще было? Куда её повезли? Что такое произошло вообще, – Дима взял Ольгу за плечи.

Ольга опять уткнулась Диме в грудь и зарыдала: «Нет сердцебиения. Понимаешь? Это конец, конец, конец».

– У кого нет? – не понял Дима.

– У ребенка её нету. Понимаешь?

Дима сел на лавочку и посадил Ольгу к себе на колени.

Она продолжала рыдать, уткнувшись в шею мужа.

– Как так? Почему? И чего теперь делать? – попытался собраться с мыслями Дима.

– Ничего не делать. Домой поехали.

– А Светка?

– На пару дней ее в стационар положат, потом приедем заберем её.

– Это из-за радиации? Да?

– Никто не знает из-за чего. Может из-за радиации, может от стресса, может еще из-за чего.

Дима хотел спросить что-то еще, но не смог собрать мысли и просто сильнее обнял жену.

Глава 19

После возвращения из больницы Света большую часть времени или спала, или тихонечко плакала, отвернувшись к стене, поджав ноги, и накрывшись одеялом с головой.

Ольга подолгу молча сидела рядышком и просто гладила Свету по голове и по спине. Света ничего не ела и это сильно беспокоило.

– А почему тетя Света всегда лежит и плачет? – задала вопрос Алиса.

– Она заболела, доченька. Очень плохо себя чувствует. Не шуми, пожалуйста.

– А она выздоровет?

– Конечно выздоровет. Всё будет хорошо.

Что еще можно было сказать ребенку?

В ближайший четверг был приемный день в лагере Керима. Надо было решать ехать туда или нет. И если ехать, то в каком составе? Ехать Диме одному без Оли и Светы? И как тогда объяснять это? Всё рассказать Кериму? Или пока скрывать от него? Вообще не поехать? Но до этого не пропускали ни одного приемного дня. Керим будет беспокоиться. А если рассказать ему, то он не будет беспокоиться? И как он вообще такую новость воспримет? Как на такое вообще люди реагируют, да еще сидя фактически за решеткой? А со Светой как поедешь, если она лежит всё время? Все эти

вопросы Дима с Олей уже по сто раз обсудили за прошедшие несколько дней, сидя в своей комнате за закрытой дверью.

Наступило утро четверга. Решения не было. Дима с Олей и Алисой завтракали на кухне за столом. Если ехать, то надо выезжать в течение получаса.

Вдруг дверь из комнаты Светы открылась. Света стояла полностью одетая причесанная и при легком макияже.

– Едем! – сказала она твердо. – Я должна всё ему рассказать сама. Это я не сберегла нашего ребенка, это моя вина, и я сама всё расскажу ему.

В этот момент запас твердости у Светы, видимо, иссяк и она опять заплакала, продолжая повторять: «Это я виновата. Я виновата. Я сама расскажу».

Ольга усадила Свету на стул и обняла.

– Одевайтесь быстрее. Помогите Алиске, – в полголоса командовала Ольга, повернув голову к мужу.

Всю дорогу Света старалась не плакать. Собираала внутри себя силы. Получалось это слабо. Периодически лицо Светы искажала гримаса подавляемого рыдания. В машине висела абсолютная тишина. У Оли слезы скатывались по щекам. Все молчали. Даже ребенок. Из-за этого еще страшней звучали подавленные всхлипы. Еще страшней выглядели попытки Светы не рыдать. Дима хотел как-то разрядить ситуацию. Хотел что-то сказать, но не придумал что. Хотел включить музыку, но подумал, что это неуместно. Хотелось просто побыстрее доехать и выйти из машины.

Припарковались около уже хорошо знакомого забора. Толпа людей у проходной показалась чуть меньше, чем в прошлые разы. То ли родственники устали ездить сюда, то ли начали выпускать или депортировать часть сидельцев отсюда.

На проходной все посетители как обычно показывали свои документы и говорили к кому они пришли. Когда очередь дошла до Светы, то что-то сломалось в обычном порядке. Солдат внимательно посмотрел документы, сверился со своим списком, еще раз уточнил к кому мы идем и велел подождать в сторонке. Сам в это время снял трубку телефона и что-то быстро проговорил в неё. Ребята отошли в сторону. Через несколько минут к солдату подошел офицер, что-то спросил, солдат кивнул на ребят, которые отошли к окну и стояли в некоторой растерянности.

«Вы пришли к Умарову Кериму?» – спросил офицер словенски.

Ребята закивали.

«Прошу следовать за мной.» – с этими словами офицер развернулся и вышел из проходной.

Ребята пошли за ним.

В этот раз офицер повел ребят не к длинному зданию, в котором обычно проходили встречи, а куда-то правей в сторону двухэтажного здания.

– Извините, пожалуйста. А почему вы нас туда ведете? Что-то случилось? – попытался Дима задать несмелый во-

прос.

Нехороший холодок пробежал по его спине. Может Керим натворил чего? Или заболел? А может, наоборот решили выпускать его?

– Я не могу вам что-то объяснить. Сейчас мы придем в штаб и там вам всё расскажут.

Дальше шли молча. Дима вёл за руку ребёнка. Оля чуть приобняла Свету. Зашли в здание. Поднялись на второй этаж. По коридору прошли направо до двери в конце с табличкой Goran Oblak. За дверью был кабинет, судя по всему, главного местного начальника. Точнее приемная со столом секретаря и несколькими стульями. А уже из приемной в кабинет начальника вела другая дверь. Дима видел такие кабинеты в старых советских учреждениях.

Ребят попросили присесть на стулья и немножко подождать. Офицер наклонился через стол к секретарю и что-то коротко объяснил. Секретарь кивнула и продолжила что-то набирать на клавиатуре. Через несколько минут из кабинета вышел другой офицер и секретарь пригласила ребят в кабинет. Офицер, который привел ребят, прошел в кабинет вслед за ними. За столом сидел седой, но довольно крепкий, офицер с красивыми погонами и несколькими медалями на кителе. Такой, наверное, и в шестьдесят лет по двадцать раз на турнике подтягивается.

– Это родственники Умарова Керима. – доложил офицер.

– Хорошо. Прошу садиться. Меня зовут Goran Oblak. Я

полковник и начальник этого лагеря, – подождав пока ребята рассядутся полковник продолжил, – кем вы приходитесь Умарову Кериму?

– Это Светлана. Она жена Керима, – начал Дима, – а мы его друзья. Мы с детства дружим. А что вообще случилось?

Полковник молча крутил в руках шариковую ручку.

– Эта девочка дочь Умарова Керима? – полковник кивнул в сторону Алисы.

– Нет, это наша дочка. У Керима нет детей. – начал Дима и осёкся, испуганно взглянув на Свету. Света, не мигая смотрела на полковника.

– Вы, видимо, мать ребенка? – уточнил полковник, глядя на Олю, – могли бы вы со своим ребенком подождать в приемной у секретаря.

Оля испуганно посмотрела на Диму.

– Что, собственно, случилось? – попытался внести ясность Дима.

– Пусть ребенок подождет за дверью и мы продолжим.

Полковник, очевидно не первый день, занимал руководящую должность. Спор с ним как-то не предполагался. Повисла пауза. Оля переводила взгляд с Димы на полковника и обратно. «Ну выйди, подожди там, если он так хочет.» – ответил по-русски Дима на немой вопрос жены. Оля с Алисой вышли. Офицер плотно прикрыл за ними дверь.

– Я не буду долго ходить вокруг да около, – начал полковник, – Умаров Керим умер два дня назад.

На несколько секунд повисла пауза

– АААААААААААААААА!!!,

АААААААААААААААААААА!!!,

АААААААААААААААААААА!!! – не закричала, а натурально завывала Света.

Дима вскочил. Офицер сделал шаг к нему сзади. Дверь распахнулась и в кабинет вбежала Ольга. За ней испуганный ребенок. За ребенком секретарь.

– Что? – испуганная Ольга бросилась к продолжающей страшно кричать Свете.

– Как это умер? – не смог сразу осознать Дима. – Почему умер?

Осознав, что говорит по-русски повторил по-словенски, не найдя правильного вопроса: «Почему умер?».

– Долорес, налейте, пожалуйста, в приемной воды для женщины. Давид, помогите, пожалуйста, выйти женщинам. И ребенка не забудьте. – полковник, видимо, не в первый раз участвовал в подобных сценах.

– Кто умер? Керим? – не поверила Ольга. – Почему умер? Дима, чего ты молчишь?

Ольгу, воющую Свету и плачущего ребенка мягко, но настойчиво тянули к выходу офицер и секретарь.

– Да убери ты свои руки. И не трогай моего ребенка. – Ольга со злостью оттолкнула офицера.

– Так! Всё! Тихо! – Дима вклинился между Ольгой и офицером. – Выйди, за дверь. Оля!

Дима загородил спиной жену. Притянул за плечи Свету и вместе с ними вышел за дверь, подталкивая всех впереди себя.

– Сядь здесь. Я сейчас разберусь.

Дима вложил руку Алиски в руку жены и вернулся в кабинет.

– Почему он умер? – Дима встал перед столом полковника.

– Сядьте, пожалуйста. – полковник был непробиваем.

– Какой, нахрен, сядьте? Я спрашиваю: почему он умер. – начал повышать голос Дима.

– Сядь и не ори здесь. – отрезал полковник. – Или тебя сейчас выкинут отсюда.

– Почему он умер? – попытался взять себя в руки Дима.

– Произошел конфликт с другим задержанным.

– И что?

– Ножевое ранение. Никто не успел ничего сделать.

– Как это ножевое? Вы же отбираете всё у всех.

– Не знаю. Может пронес как-то, может здесь как-то сделал. Мы не нашли еще нож.

– Как это пронес? А вы здесь на кой тогда?

– Я не буду разговаривать с вами в таком тоне. Я офицер морской пехоты, а не тюремный надзиратель. Не я все это придумал. У вас есть еще вопросы? – полковник явно не был настроен оправдываться.

– И что нам теперь делать?

– Езжайте домой. Оставьте секретарю все данные, она подготовит документы для похоронной конторы и позвонит вам.

– И это всё?

– А что вы ещё хотите?

Дима не знал, что в такой ситуации надо хотеть еще. Мысли носились в голове. Умер. Керим. Хоронить. Что-то надо спросить? А что спросить? Ни одна мысль не оформилась во что-то, что требовало какого-то действия. Дима просто встал и вышел за дверь.

Света рыдала на стуле. Рядом стояла плачущая Ольга со стаканом воды в руках. Алиса забралась на стул с ногами и тоже плакала.

– Ну, чего там? – спросила обреченно Ольга уже ни на что не надеясь.

– В драке ножом пырнули.

– Каким ножом? Они ж тут отбирают всё.

– Ну не начинай. Никто не знает каким ножом. На что это сейчас влияет? – начал заводиться Дима.

– Керимушка!!! – начала опять завывать Света.

– И чего теперь делать? – Ольга тоже не могла собрать мысли.

– Ничего не делать. Домой ехать. Они документы сделают и позвонят. – сейчас секретарю все контакты оставлю. Бери Светку, Алиску и пойдёмте уже.

Дима быстро надиктовал свою номер телефона. Дал сек-

ретарю отксерить документы свои и Керима. Хорошо, что он всегда их возил на свидание с собой. «Хотя, чего тут хорошего?» – одёрнул он сам себя.

До проходной дошли в сопровождении того же офицера. Света потерялась совершенно. Она просто переставляла ноги и шла туда, куда её вели. Алиска перестала плакать, но продолжала испуганно жаться к ноге матери.

До трассы доехали под причитания Светы. Ольга села на заднее сиденье между Светой и Алисой, чтобы успокаивать обеих. Дима молчал. Алиса достала из кармашка двери щетку для волос и механически расчесывала свои волосы глядя в окно.

Выезд на трассу оказался перекрыт дорожным полицейским. Машины выстроились в прилегающем к трассе рукаве. Через минуту мимо выезда пронеслась на приличной скорости полицейская машина с включенными маячками на крыше, за ней шла вереница автобусов. В середине колонны шел раскрашенный зелеными и коричневыми пятнами военный джип. Замыкали колонну два военных джипа с пулеметами на крыше еще одна машина полиции. Чуть отстав, громко рыча, мчался тентованный военный грузовик с солдатами.

– Тоже в порт что ли их везут? – вопрос Димы повис в пустоте.

Никто не ответил. Ребенок сосредоточенно выпутывал волосы, которые остались на щетке, и отпускал их по ветру в открытое окно своей двери. Волос на щетке было необычно

МНОГО.

28.11.2023

Slovenia